

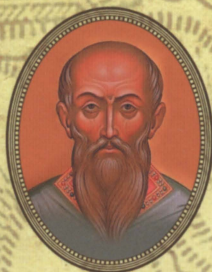
СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ РУСИ

**АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ**

**ДМИТРИЙ
ДОНСКОЙ**

**ДОВМОНТ
ПСКОВСКИЙ**

**ВЛАДИМИР
СЕРПУХОВСКОЙ**

СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ РУСИ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ДОВМОНТ ПСКОВСКИЙ

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

ВЛАДИМИР СЕРПУХОВСКОЙ

КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА

МОСКВА, 2014

ББК 63-8

Святые заступники Руси: Александр
Невский, Довмонт Псковский, Дмитрий
Донской, Владимир Серпуховской. – М.:
ИД «Комсомольская правда», 2014. – 96 с.

ISBN 978-5-87107-868-6

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

© ИД «Российское военно-историческое
общество», 2014 год.

Редактор *кандидат исторических наук Н. А. Копылов*
Редактор-составитель *доктор исторических наук М. Ю. Мягков*
Дизайн-макет *Галина Чернецова*
Корректор *Марина Смирнова*
Верстка *Галина Чернецова*

Подписано в печать 22.10.2014.
Формат издания 70×100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,2. Заказ № 107264.

Издательский дом «Комсомольская правда».
125993, Москва, Старый Петровско-Разумовский проезд, д. 1/23.

www.kp.ru

Адрес для писем: kollekt@kp.ru

Отпечатано в типографии «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

НЕВСКИЙ

АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ

1221 - 1263

«ДВА АЛЕКСАНДРА»

Александр Невский – весьма разноплановый персонаж русской истории. Это и реальный политик XIII в. – князь Александр Ярославич, представитель владимиро-суздальской ветви Рюриковичей-Мономаховичей, который при жизни не носил прозвание Невского. Это и эпический Александр Невский, который в XIV – XVIII вв. постепенно превращался в символ российской национальной и государственной идентичности. Причем образ последнего, эпического Александра Невского в разные эпохи трактовали по-своему, и даже XX столетие сумело внести свой значительный вклад в мифологи-

зацию легендарного двойника князя. (Вспомним прекрасный фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский».)

Поэтому, когда речь заходит о князе Александре, очень важно обозначить, о каком Александре пойдет речь. В нашем очерке будем говорить об «изначальном Александре», реальном политике и талантливом полководце XIII в., которому выпала доля жить в сложное и трагическое для русской истории время. Это время определило логику и границы деятельности князя Александра Ярославича.

Прежде чем анализировать политику Александра, как, впрочем, и любого из значительных совре-

БОЛЬШОЙ ЗВУКОВОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

менников этого князя, например, его отца – Ярослава Всеволодовича Переяславль-Залесского, а потом Владимиро-Суздальского, или князя Даниила Романовича Галицкого, надо хотя бы кратко ознакомиться с тем, что собой являл к XIII в. русский мир, а также в каких отношениях со странами Востока и Запада он находился. 1230 – 1260-е гг. являлись эпохой значительных цивилизационных изменений, изменивших во многом не только русскую, но и всемирную историю.

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО В IX – НАЧАЛЕ XIII ВВ.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на Русь XII – XIII вв., – это дробность русского мира. В политическом плане он представлял почти полтора десятка независимых государств. В социокультурном плане они были объединены как минимум в четыре альтернативные модели развития:

1. Южнорусскую и близкую к ней западнорусскую (Киевское, Переяславское, Черниговское, Полоцкое, Смоленское и др. княжества);
2. Юго-западную Галицко-Волынскую;

⇒ Афиша к фильму С. Эйзенштейна «Александр Невский».

3. Северо-восточную (Владимиро-Суздальское и Рязанское княжества);

4. Северо-западную (Новгородская республика, а с XIV в. и Псковская республика).

И хотя все эти модели выросли из Киевской Руси IX – середины XI вв., к 30-м гг. XIII столетия они далеко отошли как от единого древнерусского корня, так и от социально-

политического устройства друг друга. Эти модели представляли различные социокультурные альтернативы и были не столько союзниками друг друга, сколько противниками в борьбе за будущее развитие Руси.

Киевская Русь была важной частью средневековой Европы. В IX – середине XI вв. торговый путь «из варяг в греки», проходивший по русской территории и соединявший через систему рек и волоков Балтийское море с Черным, приобрел международное значение. Старая морская дорога из Западной Европы в Левант (восточное побережье Средиземного моря) оказалась для европейцев закрытой ввиду мусульманской экспансии, и торговые связи между европейскими странами, Византией и развитым Востоком стал обслуживать путь «из варяг в греки». Пространство вдоль этого пути превратилось в оживленный торговый и политико-культурный

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

Князь Новгородский, великий князь Киевский, великий князь Владимирский. Выдающийся русский полководец и государственный деятель.

Его победы в Невской битве и в битве на Чудском озере принесли ему посмертную славу, которая превзошла прижизненную известность князя. Образ святого князя Александра Невского, защитника православной веры, рос от столетия к столетию...

перекресток. Это благоприятно сказалось на развитии Киевской Руси, открылись большие выгоды как для местного населения, так и для иностранных купцов-гостей.

Среди последних преобладали скандинавы-варяги. Они и открыли некогда путь «из варяг в греки». Однако варяги быстро утратили роль главных торговых посредников между Западной Европой и Византией. Эта роль отошла к великим князьям Киевским, для которых организация торговых экспедиций в Царьград (Константинополь) и защита русских торговых интересов стала одной из важнейших задач государственной политики. Опорой власти в данном вопросе выступило восточнославянское городское население и славяно-варяжская княжеско-дружинная среда. В IX – середине XI вв. продолжали жить вечевые традиции в городской среде. Великие князья постоянно держали совет со старшей и младшей дружиной, а после 988 г. – и с духовенством.

Роль торгового посредника между Западом и Востоком принесла Древней Руси невиданные материальные богатства (стоит вспомнить хотя бы тот факт, что страна, полностью лишенная тогда собственных источников серебра, имела денежную систему, в основе которой лежали не монеты, а гривны – слитки серебра весом от 90 до 200 граммов). Не меньшую роль играли и новшества цивилизационного выбора. После крещения Руси в 988 г. образовалась русская митрополия как часть Византийского патриарха-

та. Восточно-христианское влияние определило дальнейшее развитие духовной культуры страны.

Однако, как заметил историк-евразиец Николай Клепинин, «Быстро воздвигнутое и богато украшенное здание Киевской Руси стояло на слабом фундаменте» (Клепинин Н. Святой и Благоверный великий князь Александр Невский. М., 1994). Как только западноевропейские крестоносцы в конце XI в. завоевали Святую землю, они «открыли» и старый 800-километровый морской путь из Европы на Восток, а путь «из варяг в греки», который был длиннее в 3 раза, стал быстро терять свое международное значение. Этому способствовало и еще одно обстоятельство. С середины XI в. торговые суда на волоке в районе Днепровских порогов непрерывно атаковали кочевники половцы. В итоге к началу XII в. международная торговля потеряла для Руси свое прежнее значение, а сам путь «из варяг в греки» прекратил быть той геополитической осью, вокруг которой вращалось древнерусское единство. Лишь Новгород унаследовал роль регионального торгового посредника между севером Европы, русскими землями, греками и Востоком.

На рубеже XI и XII вв. Русь испытывала серьезный кризис. Она превращалась из оживленного междивизационного перекрестка в восточную окраину европейского мира и северную периферию церковно-культурного византийского пространства. Причем от Ромейской империи Русь с юга была отрезана абсолютно чуждой и враждебной ей кочевой Великой степью. Раскол западной и восточной хри-

♣ Присекин Сергей Николаевич. «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет», 1983 г.

стианских церквей (схизма 1054 г.) стал серьезной причиной возрастающей от века к веку отчужденности православной Руси от католических стран Западной Европы.

Угасание торгово-городового уклада заставило древнерусскую княжеско-дружинную элиту в конце XI – XII вв. проявить интерес к владению землей. Повсеместно стали возникать княжеские и боярские вотчины (вотчина (аллод) – безусловная частная собственность на землю), доходы с которых стали теперь главным источником благополучия князей и их бояр. В условиях натурального хозяйства, когда все необходимое производилось и потреблялось на месте, для разбросанного по бескрайним просторам Восточно-Европейской равнины населению исчезла необходимость держаться Киева. Местный князь со своей дружиной обеспечивал порядок на местах и внешнюю оборону. После смерти великого киевского князя Мстислава Владимировича Великого (годы правления – 1125 – 1132) единое древнерусское государство распалось на 12 независимых земель.

Политическая раздробленность на Руси в XII – начале XIII вв., как и феодальная раздробленность на Западе Европы начального периода, была позитивным явлением. Она способствовала социально-экономическому, политическому и культурному развитию (к примеру, если ранее Русь знала 2 центра летописания, то теперь их стало 14!). Начался процесс выравнивания развитых волостей времен Киевской Руси и бывших ее медвежьих уголков. Причем некоторые из них, в частности,

Владимири-Суздальская земля и Галиция с Волынью, во многом обошли прежних лидеров.

Половецкие набеги, опустошавшие пограничные с Великой Степью южнорусские территории, направили потоки беженцев из Поднепровья на русский север, северо-восток и юго-запад. Развитые в социально-экономическом плане южнорусские переселенцы несли с собой новые земледельческие технологии (примитивное подсечно-огневое земледелие повсеместно было заменено на перелог и двуполье), в новых городах и селах распространялись развитые ремесла, оживилась местная торговля. При этом русский мир, как и прежде, походил на айсберг, на вершине которого красовались достаточно развитые формы средневекового хозяйства и общественного устройства, а огромную подводную часть продолжал составлять архаический пласт, мало интегрированный в экономические, общественно-политические и культурные достижения своего времени.

Особенно велик этот пласт был на северо-востоке Руси, родном для героя нашего очерка – князя Александра Ярославича. Это было прежде всего следствие суровых природно-климатических условий и удаленности от старорусских очагов цивилизации. Однако княжеская власть в лице потомков Владимира Мономаха (его четвертого сына Юрия Долгорукого, его внуков Андрея Юрьевича Боголюбского и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо) извлекла из данных обстоятельств скорее пользу. Княжеская власть пришла в Ростово-Суздальскую Русь раньше, чем русская колонизация сделала этот край

преимущественно восточнославянским. В итоге местные князья сразу стали смотреть на Владимиро-Суздальскую землю, как на свою личную вотчину. Большой процент финно-угорских данников среди населения приучил местных князей к властности, которая проистекала из права сильного. С другой стороны, местные князья оказались здесь не столько политическими вождями, сколько рачительными хозяевами-собственниками, обустройствами свою вотчину. Они энергично строили здесь новые города и села, привлекали и опекали переселенцев, бежавших от половецкого натиска.

Патернализм владими́ро-суздальских князей встречал одобрение у населения их княжества, несмотря на то, что уже в княжение Андрея Боголюбского (1154 – 1174) выступила и обратная его сторона – княжеское самовластие при падении социального статуса населения. Поселенцы воспринимались смердами, получившими землю и право жить на ней из княжеских рук. (Жизнь смерда охранялась по «Русской Правде» ви́рой в 5 гривен серебра, в отличие от жизни людей, свободных крестьян-общинников, которых, как и рядовых княжеских дружинников, древнерусское право охраняло ви́рой в 40 гривен серебра.) Естественно, в таких условиях в XII – XIII вв. древнерусские вечевые традиции, продолжавшие существовать на юге и западе Руси и усилившиеся на севере в Новгороде и Пскове, не получили развития на русском северо-востоке.

Владими́ро-суздальское боярство, небогатое и относительно немногочисленное, не могло конку-

рировать с княжеской властью ни в экономическом, ни в общественно-политическом, ни в военном плане. Этим оно резко отличалось от южно- и западнорусского боярства, а особенно от галицко-волинской аристократии, превратившейся в сильный противовес княжеской власти, а также от новгородских бояр, которые стали главной социально-политической силой в Господине Великом Новгороде после утверждения там в 1136 г. вечевого строя. Если прадед Александра, первый суверенный правитель Суздаль-

✚ Святой благоверный князь Александр Невский.

ской Руси – князь Юрий Долгорукий (1132 – 1154), еще как-то поддерживал старинные дружинные традиции, то оба его сына – великие князья владими́ро-суздальские Андрей Боголюбский (1154 – 1174) и Всеволод Большое Гнездо (1176 – 1212) – уже привыкли видеть в боярах и дружине не сотрудников-вассалов, а подданных и слуг.

Контроль над ресурсами и мощный военный потенциал, включавший кроме больших княжеских дружин еще и многочисленное крестьянское ополчение, позволял владими́ро-суздальским князьям вести активную политику как внутри русского мира, так и за его пределами.

К середине XII в. большинство финно-угорского населения Владимиро-Суздальской Руси приняло христианство и смешалось с восточнославянскими переселенцами, Суздальский край окончательно ослабился, но здесь сложился особый, весьма отличный от собственного Киевской Руси IX – XI вв. менталитет, который в будущем ляжет в основу формирования великорусского народа.

Мы остановились на описании особенностей Владимиро-Суздальской Руси, так как она была родиной Александра. Именно она сформировала стереотипы и систему мышления этого князя, его понимание княжеского долга и права.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫНЫ НА ВОСТОКЕ

Тем временем на Востоке в конце XII – начале XIII вв. начались гигантские перемены. Вновь, как во времена великого переселения народов,

погубившего античный мир, поднялась Великая степь. Правда, на сей раз, прежде чем двинуться в Европу, кочевники покори́ли значительную часть азиатского оседлого высоко-развитого населения – от провинций Северного Китая до среднеазиатского Хорезма.

Чингисхан сумел соединить в своей военной империи примитивный быт и простоту общественных отношений степняков, их нехитрый боевой строй с высочайшими достижениями военного искусства Китая и других развитых восточных стран, использовал их экономические, административные достижения. На этой базе в ходе войны и во многом благодаря войне была создана система сильнейшей деспотической государственной власти, которая отличалась еще и завидной гибкостью, способностью к определенным компромиссам по отношению к завоеванным народам. В итоге, вместо того чтобы ослабевать и терять людей по ходу обширных завоеваний, империя Чингисхана постоянно получала новых бойцов. Они перековывались в горниле завоевательных походов в истинных подданных «сотрясателя вселенной».

Государственная идеология империи, сводившаяся к мысли о завоевании «вселенной от моря до моря» (от Тихого океана до Атлантического), а также известная всем веротерпимость монголов выражали идею единства мира и населявших его народов. По сути, в экспансии Чингисхана, а потом и его потомков мы имеем дело со средневековой попыткой глобализации – в ее азиатско-кочевом понимании. Это была уже не первая в истории человечества

попытка построить глобальный, и более совершенный, по мысли его создателей, мир, объединяющий Восток и Запад. Первым подобной целью задался Александр Македонский – Великий Искандер, как его звал Восток, – чьи подвиги вдохновляли Чингисхана. Тем же целям была подчинена экспансия и Древнего Рима, и Китайской империи. И хотя ни Александру Македонскому, ни Риму, ни Китаю не суждено было осуществить свою глобальную экспансию, сами попытки глобализации рождали державы колоссальной силы и размеров. Эти державы переворачивали всемирную историю, диктуя свою волю соседям и формируя новое геополитическое соотношение сил между Востоком и Западом.

Для периферийного русского мира фактор монгольского вторжения в европейское пространство нес решительные изменения условий существования. Причем органическое внутреннее развитие, включая соотношение сил и степени эффективности различных русских социально-политических моделей, не могло, на наш взгляд, играть уже решающей роли.

Впрочем, последнее есть предмет научных дискуссий. Например, классики отечественной исторической мысли С. М. Соловьев и В. О. Ключевский не склонны были видеть в установлении ордынской зависимости большинства русских земель от Монгольской империи и Золотой Орды фатального значения. По их мнению, ордынское иго представляло собой внешний поверхностный фактор, тормозящий развитие страны, но

⇒ Александр Невский на памятнике «Тысячелетие России».

не меняющий ранее сложившихся тенденций, главная из которых, по мнению Ключевского, сводилась к превращению «Руси торговой городской» в «Русь земледельческую сельскую», что вызвало смещение центра русского мира из Приднестровья к Волге – от Киева к Владимиру на Клязьме. Однако большинство историков, как отечественных, так и зарубежных, вне зависимости от оценки русской зависимости как явления отрицательного (большинство исследователей), неоднозначного (Н. М. Карамзин, евразийцы) или даже позитивного (Л. Н. Гумилев) оценивает воздействие монголо-татарского завоевания и установления зависимости в качестве одного из важнейших факторов дальнейшего развития русской истории.

Если первое поражение от монголов в битве на Калке (1223) еще можно трактовать как следствие несогласованных военных действий и военно-политических ошибок князей Южной и Юго-Западной Руси, то опыт Батыева нашествия на Русь (1237 – 1241) и антиордынских выступлений (1252, 1262, 1293) наводит исследователей на мысль о том, что русский мир в одиночку чисто физически не имел возможностей успешно отразить монголо-татарскую агрессию. Эта неутешительная правда должна быть в центре внимания историка при оценке геополитической ситуации вообще и деятельности тех или иных исторических деятелей в частности.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ПРИБАЛТИКЕ И РУССКИЕ ЗЕМЛИ

Глобальная экспансия Азии в Европу пришлось на то время, когда в самом европейском мире шел процесс расширения. Он выражался в Реконките в Испании, в крестовых походах на Ближний Восток и на язычников Прибалтики.

До конца XII в. Прибалтика оставалась регионом, заселенным различными языческими финно-угорскими и летто-литовскими племенами, не знавшими государственности. Это облегчало вторжения на их территорию более сильных и организованных соседей.

Русь, по образному выражению В. О. Ключевского, была «страной колонизирующей». Восточнославянская колонизация Восточно-Европейской равнины, начатая еще в VII в., к концу XII – началу XIII вв. продолжилась расширением полоцких и новгородско-псковских владений в прибалтийских летто-литовских и финно-угорских областях. Еще Ярослав Мудрый, великий киевский князь (1019 – 1054), сумел присоединить к Руси ятвягов, а за Чудским озером в земле эстов поставить русскую крепость Юрьев [1] (ныне Тарту). Чуть позже новгородцы и псковичи взяли под свой контроль все течение рек Невы и Ижоры, а полоцкие князья контролировали торговый путь по Западной Двине и брали дань с окрестного коренного населения.

Одновременно из Скандинавии в прибалтийский регион шли варяги. С момента рождения скандинавских королевств это движение приобрело форму шведской,

норвежской и датской экспансии. В конце XII – начале XIII вв. в Прибалтике появился еще один «новый игрок» – крестоносцы. Они были представлены в землях пруссов Тевтонским орденом, а в землях ливов, земгалов и эстов Орденом меченосцев [2], ставшим впоследствии (с 1237 г.) филиалом тевтонов и известном далее как Ливонский орден. Являясь конкурентами, скандинавские государства и крестоносцы находились в сложных отношениях. Особые интересы имела в Прибалтике еще и Папская курия. Она пыталась придать разнородной западной экспансии объединяющее начало: религиозно-миссионерский смысл, и одновременно выступала посредником в спорах Рижского архиепископа с крестоносцами, крестоносцев с датским королем и т. д.

И все эти западные претенденты на владычество в Прибалтике противостояли русскому присутствию. Причем если давняя конкуренция русских со скандинавами в регионе носила прежде всего характер борьбы за сферы влияния, определения государственно-территориальных границ, то в столкновениях с крестоносцами остро стоял еще и религиозный вопрос. Обе стороны воспринимали друг друга как схизматиков и еретиков, что, безусловно, ожесточало конфликт.

Экспансия «божьих рыцарей» была для Новгорода, Пскова и Полоцка более опасной по сравнению со скандинавской, ввиду того, что все ордена осваивали земли эстов, ливов и других прибалтийских народов, куда более интенсивно нежели скандинавы. Те подобно великим киевским князьям, а потом

новгородцам, псковичам и полоцанам долгое время довольствовались сбором дани с покоренных племен. Шведы надолго завязли в Финляндии. Крестоносцы же сразу укоренились в завоеванных владениях. Они строили замки и города, населяли их германскими переселенцами. Немецкие крестьяне, оруженосцы и рыцари наводнили сельскую округу, превращая коренных жителей в зависимое крестьянство. Этот немецкий «натиск на восток» получил поддержку германских императоров, ибо был удачным способом избавиться от избыточного населения, порождающего в многочисленных германских государствах внутреннее социальное напряжение. В итоге во владениях ордена шло быстрое становление западноевропейского феодального строя, который обеспечивал быстрое социально-экономическое развитие покоренных земель. Орден меченосцев вскоре смог действовать, опираясь не на помощь отдаленной метрополии (вариант шведский, датский, норвежский), а на собственные материальные, людские и военно-политические ресурсы в Прибалтике.

Это сказалось на борьбе крестоносцев с русским влиянием в Прибалтике. Сравнительно быстро Орден меченосцев свел к нулю полочное присутствие вдоль Западной Двины. Несмотря на ожесточенные столкновения с новгородцами, меченосцы сумели овладеть в 1224 г. Юрьевым и вытеснить новгородцев с финно-угорских территорий западнее Чудского озера.

Далее на восток и северо-восток от Юрьева уже тянулись не просто

земли данников Новгорода. Здесь располагались достаточно колонизованные славянским населением новгородские пятинны, где среди коренного населения было немало православных христиан. Попытки крестоносцев вторгаться в эти земли должны были рассматриваться Новгородом уже не просто как борьба за сферы влияния в землях разрозненных язычников, а как прямое вторжение на государственную территорию Новгородской республики. Со своей стороны, крестоносцы рассматривали вторжение в новгородские пределы как крестовый поход против схизматиков.

Агрессия Ордена меченосцев привела к порабощению большинства племен, обитавших на территории современных Эстонии и Латвии. Однако ряд летто-литовских племен, занимавших в то время территорию современной Литвы и отчасти Восточной Белоруссии, сумели консолидироваться и создать к середине XIII в. собственную Литовскую державу. Причем сразу же существенным фактором в организации Литовского княжества стала помощь Новогрудка и других западнорусских уделов, которая постепенно переросла в союз, на базе которого возникло Великое княжество Литовское и Русское. Это новое двунациональное государство стало впоследствии (с конца XIII и вплоть до середины XV в.) центром объединения русских земель наряду с Тверью, а потом Москвой. Однако в начале XIII в. литовцы, одержавшие ряд значительных побед над рыцарями, только шли к своей государственной консолидации. В недавнем прошлом они порой платили дань полочанам и новгород-

цам, а с 1220-х гг. сами начали предпринимать набеги на крестоносцев и на русских. Новгородцы и псковичи, привыкшие считать литву своими данниками, отвечали военными походами, весьма успешными.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В НАЧАЛЕ XIII В.

Новгород никогда не обладал большими собственными военными ресурсами. Долгое время они ему и не были ему нужны. Новгородская колонизация на северо-восток и северо-запад до конца XII в. не встречала серьезных препятствий. После постройки Юрьева новгородцы без особого участия князей сами осваивали интересующие их просторы: взымали дань, занимались промыслами и торговлей, основывали городки и вотчины. Боярские промысловые вотчины стали главными оптовыми поставщиками главных востребованных экспортных товаров: меда, воска, мехов, ворвани, речного жемчуга, ценной рыбы и т. д. Новгород вел обширную внешнюю торговлю с прочими русскими землями, а также странами Западной Европы и Востока. Отряды ушкуйников во главе с отпрысками боярских и купеческих родов раздвигали новгородские границы, нанося все новых данников.

Для защиты владений хватало новгородского ополчения и тех небольших дружин, которые имели приглашенные в Новгород князья. В 1136 г. новгородцы прогнали с новгородского княжения Всеволода Мстиславича, внука Владимира Мономаха. С тех пор и до 1478 г. главой Новгорода стал избирае-

⇨ Памятник воинам Александра Невского на горе Соколик в Пскове.

мый на вече посадник. На эту должность всегда выбирали бояр, они же играли ведущую роль в социально-экономических и политических начинаниях Новгорода. Князь в Новгороде был скорее верховным полководцем и посредником Новгорода с его связях с другими Низовскими, как говорили новгородцы, землями. В низовских княжествах Новгород покупал продовольствие, которого не могли в достатке произвести его бедные северные почвы, а с появлением крестоносцев низовские княжества, откуда новгородцы приглашали себе князей с дружинами, являлись военными союзниками республики.

Последнее обстоятельство усиливало зависимость Новгорода от Низа и от князей, которых он приглашал оттуда. Для новгородских выборных князей защита новгородских рубежей от натиска с Запада всегда переплеталась с борьбой за интересы того княжества, откуда происходил князь. В борьбе за влияние на Новгород в начале XIII в. участвовали владими́ро-суздальские, смоленские и южнорусские князья. Все они имели свои партии в новгородском боярстве и населении, что еще более осложняло ситуацию. К началу XIII в. чаще всего на новгородском столе оказывались младшие князья из Владимиро-Суздальского княжества. Даже если новгородцы «указывали им путь из города», Владимиро-Суздальское княжество, захватив Торжок и перекрыв подвоз хлеба в новгородские пределы, имело значительные шансы найти компро-

мисс с новгородцами и вернуть своих князей обратно в Новгород.

Таковы были реалии, сложившиеся на севере русского мира к моменту, когда одним из самых ярких действующих лиц здесь становится молодой посланец Владимиро-Суздальской Руси, сын удельного переяславль-залесского князя Ярослава Всеволодовича – Александр.

ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА ДО 1246 Г. НЕВСКАЯ БИТВА И ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Александр с детских лет жил в Новгороде. Его отец долгое время был новгородским князем, причем таким, который 4 раза уходил из Новгорода и враждовал с ним, но потом стороны помирились. С именем Ярослава связан ряд громких побед Новгорода над крестоносцами. Вырастая в такой атмосфере, Александр, конечно, прекрасно ориентировался в политической обстановке русского севера, что потенциально делало его удачным претендентом на новгородский стол. Дважды в отрочестве с 1228 по 1233 г. Александр и его старший брат Федор были символическими наместниками отца на новгородском столе. После смерти Федора (1233) Александр остался единственным наместником.

Начало его самостоятельного княжения в Новгороде, видимо, стоит отнести к 1238 г. Тогда Батыево нашествие уже обрушилось на Северо-Восточную Русь, опустошив Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества. Отец Александра, занимавший с 1236 г. киевский трон, был вынужден по-

кинуть Юг Руси и вернуться на родину. Ярославу Всеволодовичу, как и большинству его сыновей, удалось в 1237 – 1238 гг. избежать военного столкновения с монголами. Без его участия пала столица его удела Переяславль-Залесский, была взята Тверь, где погиб его сын, не названный летописью по имени. Не было князя и в битве на р. Сити, где 4 марта 1238 г. полегли остатки некогда могучих владими́ро-суздальских полков. Смерть на Сити его старшего брата Юрия Всеволодовича сделала Ярослава великим князем Владимиро-Суздальским. В 1243 г. мы застаем Ярослава в ставке Батыя, который дал ему ярлык «старейшего князя» всей Русской земли. Ясно, что Ярослав уже не мог постоянно лично участвовать в новгородских делах.

С 1238 г. и до 1246 г. мы видим на новгородском столе именно Александра. В эти годы степень владими́ро-суздальского влияния на Господин Великий Новгород невелика. Батый взял в 1238 г. новгородский пригород Торжак, но до самого Новгорода не дошел 90 верст. Испугавшись приближения весенней распутицы, которая превратила бы северные болота и леса в непроходимые для конницы топи, степной завоеватель ушел на юг. Военные поражения в 1237 – 1241 гг. большинства русских земель заставили их правителей думать о том, как правильно сориентироваться в новых реалиях. Новгород был предоставлен сам себе. Новгородские горизонты формировали тогда и линию поведения молодого князя Александра.

Очевидно, новгородскими интересами был обусловлен и брак юного Александра (он родился самое ран-

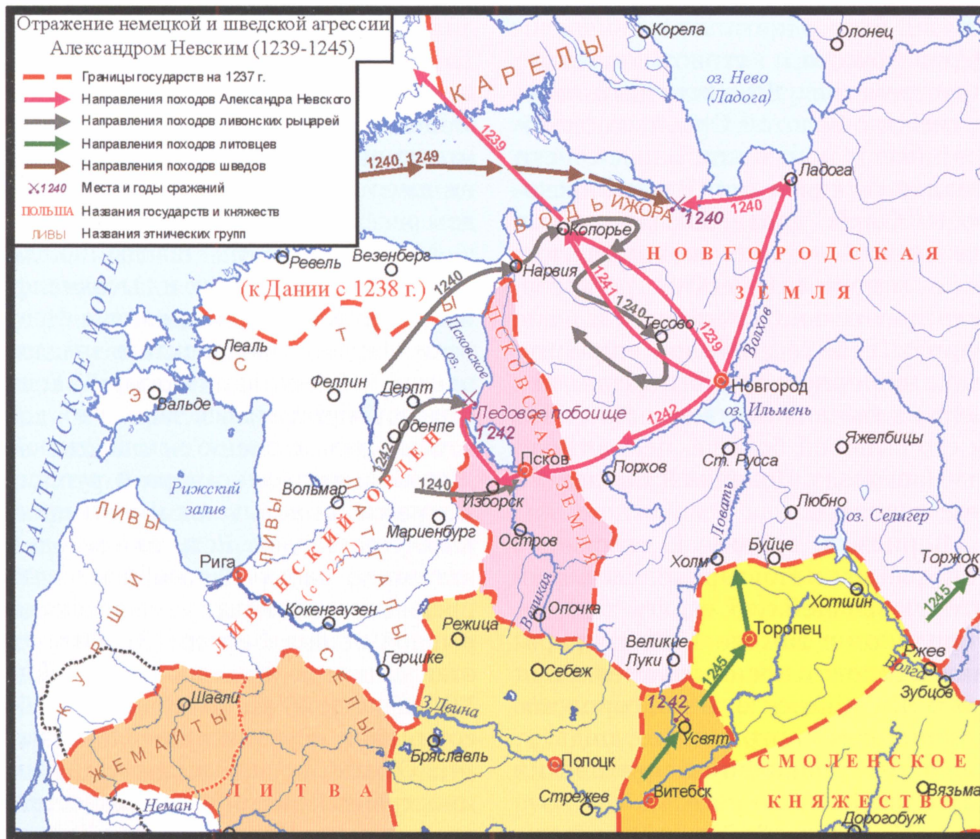
⇒ Отражение немецкой и шведской агрессии Александром Невским (1239 – 1245).

нее в 1220 г.). Княжеские браки всегда выступали способом заключения политических союзов или компромиссов. В 1239 г. Александр женился на княжне Александре – дочери полоцкого князя Брячислава, а первый свадебный пир («каша») был устроен в Торопце, столице одного из уделов Смоленской земли. Полоцкие князья, утратившие в результате крестовой экспансии своих данников в бассейне Западной Двины, могли стать союзниками Новгорода в деле отражения наступления ордена. Смоленские князья, включая торопецких, в прошлом часто были конкурентами владими́ро-суздальских в борьбе за новгородский стол. Силы Смоленской земли не были подорваны Батыевым нашествием (завоеватель в 1238 г. прошел лишь по окраинам этого княжества). Установление дружеских отношений со смоленскими князьями гарантировало тыл и давало возможность надеяться на союз со Смоленском в борьбе Новгорода как с рыцарями и Литвой, так и с возможным наступлением монголо-татар на новгородские владения.

Многие историки полагают, что матерью Александра являлась дочь знаменитого торопецкого князя Мстислава Удалого Феодосия. Если это было действительно так, а «каша» в Торопце подтверждает данную гипотезу, то наладить дружественные отношения со Смоленском Александру было проще.

Забегая вперед, отметим, что создать прочный новгородско-полоцко-смоленский союз не удалось, ибо это

не приносило бы пользы Владимиро-Суздальскому княжеству. Союз имел бы не только, а возможно и не столько антирыцарскую окраску, сколько антиордынскую. Полоцкая земля, не тронутая Батыем в момент нашествия, так и осталась Белой, т. е. независимой от Орды. В гораздо меньшей по сравнению с Владимиро-Суздальской и Рязанской землями зависимости была Смоленщина. После объединения Западной Руси и Литвы во времена Гедимина и его сыновей Ольгерда и Кейстута литовско-русская держава вплоть до 1380 г. вела наступательную антиордынскую политику, завершившуюся разгромом татар-

ских войск в 1362 г. у Синих Вод и переходом земель Южной Руси к Великому княжеству Литовскому и Русскому.

Владимиرو-Суздальское княжество, превратившееся в великое княжение Владимирское, не имело никаких шансов присоединиться к названному союзу и избежать при этом очередной монголо-татарской рати. Новый погром и разорение были обеспечены, а шансов не только возглавить потенциальный антиордынский союз, но даже сыграть в нем значительную роль у Владимира на Клязьме не было. Все это поставило бы крест на давних амбициях великих владимири-суздальских

князей быть одними из главных лидеров русского геополитического пространства. Вынужденный компромисс с Золотой Ордой, заключающийся в признании зависимости Великого княжения Владимирского от Сарая, давал больше шансов на восстановление экономических и военно-политических ресурсов, а следовательно, сохранялся и шанс вернуть себе гегемонию в мире русских альтернатив. Эта перспектива должна была значить для Ярослава и его сыновей больше, чем интересы Новгорода, Полоцка и Смоленска вместе взятых.

Вернемся, однако, к действиям Александра в Новгороде. Сотворив вторую свадебную «кашу» в Новгороде, он в том же 1239 г. отправился строить военные укрепления по р. Шелони, т. е. в новгородско-торопецком пограничье, подвергавшемся нападению литовских отрядов.

А 15 июля 1240 г. мы застаем князя уже в битве на Неве. Летом 1240 г. шведы вторглись в новгородские границы. К сожалению, Новгородская летопись чрезвычайно скудно осветила русско-шведское столкновение 1240 г., сообщив нам, что князь Александр со своей дружиной и новгородским отрядом бился со шведами на Неве и победил их. Другие подробности историки могут черпать только из жития князя Александра («Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра Невского» – известно 13 редакций произведения), которое было написано после канонизации князя как местного вла-

димирского святого в конце XIII в. То есть много лет спустя после его смерти в 1263 г. Достоверность многих сведений такого источника может вызывать сомнение. Однако, не имея других источников, приведем рассказ жития.

Мы узнаем, что шведы вошли в Неву на 55 кораблях и высадились на берег в месте впадения в Неву реки Ижоры. Предводитель шведов послал к Александру сказать: «Если можешь противиться мне... то вот я уже здесь и пленю землю твою». Житие князя Александра и русские летописи не называют имени предводителя шведов. Есть только один источник, который сообщает, что предводительствовал шведскими рыцарями ярл Биргер [3]. Это составленное в Новгороде в конце XIV – начале XV в. публицистическое сочинение «Рукописание Магнуша» [4]. Однако по шведским и другим иностранным источникам известно, что в момент Невской битвы Биргер находился в другом месте и никак не мог принимать участия в сражении с новгородцами во главе с князем Александром. К тому же Биргер в 1240 г. еще не был ярлом.

От старейшины Ижорской земли Пелгуя (Пелгусия) Александр знал о месторасположении шведского лагеря. Знал князь и о чудесном видении Пелгую. Видел старейшина чудную ладью, где гребцы были скрыты туманом, а стоящие в ладье святые князья Борис и Глеб обещали помочь «сроднику своему» Александру. О видении князь Александр запретил старшине говорить кому-либо. Сам же, взяв свою дружину и новгородский отряд, быстро и скрытно прибыл к устью Ижоры.

✦ Александр Невский. Художник Н. Рерих.

Утром 15 июля русские неожиданно атаковали противника и обратили его в бегство. В ходе боя князь Александр сразился с предводителем шведов («Биргером») и наложил «печать» на его лицо, т. е. ранил в лицо. За победу над шведами в Невской битве князь Александр и получает прозвище Невский.

Житие Александра Невского рассказывает и о подвигах 6 русских воинов. Дружинник по имени Гаврило Алексич, преследуя шведов, въехал по сходням на корабль. Его вместе с конем сбросили в воду, но он остался цел и «бился с самим воеводой посреди их войска». Новгородец Сбыслав Якунович «бился одним топором, не имея страха в душе своей», и положил много врагов. Ловчий князя Яков-полочанин отвагой своей заслужил похвалу князя. Пеший отряд новгородца Миши потопил 3 неприятельских корабля. Княжеский отрок Савва пробился к «златоверхому» шатру шведского предводителя и подсек центральный столб. А слуга Александра Ратмир один сражался с обступившими его врагами и умер от множества ран.

Стоит обратить внимание, что в житии хоть и перечисляются подвиги Александра и его воинов, но главный акцент сделан на чудо: об этом говорит и видение Пелгусию и чудесный факт, что основная часть погибших шведов была обнаружена на другой стороне Ижоры, где русских воинов не было. Это обстоятельство средневековый читатель легко истолковывал как «помощь святых Бориса и Глеба».

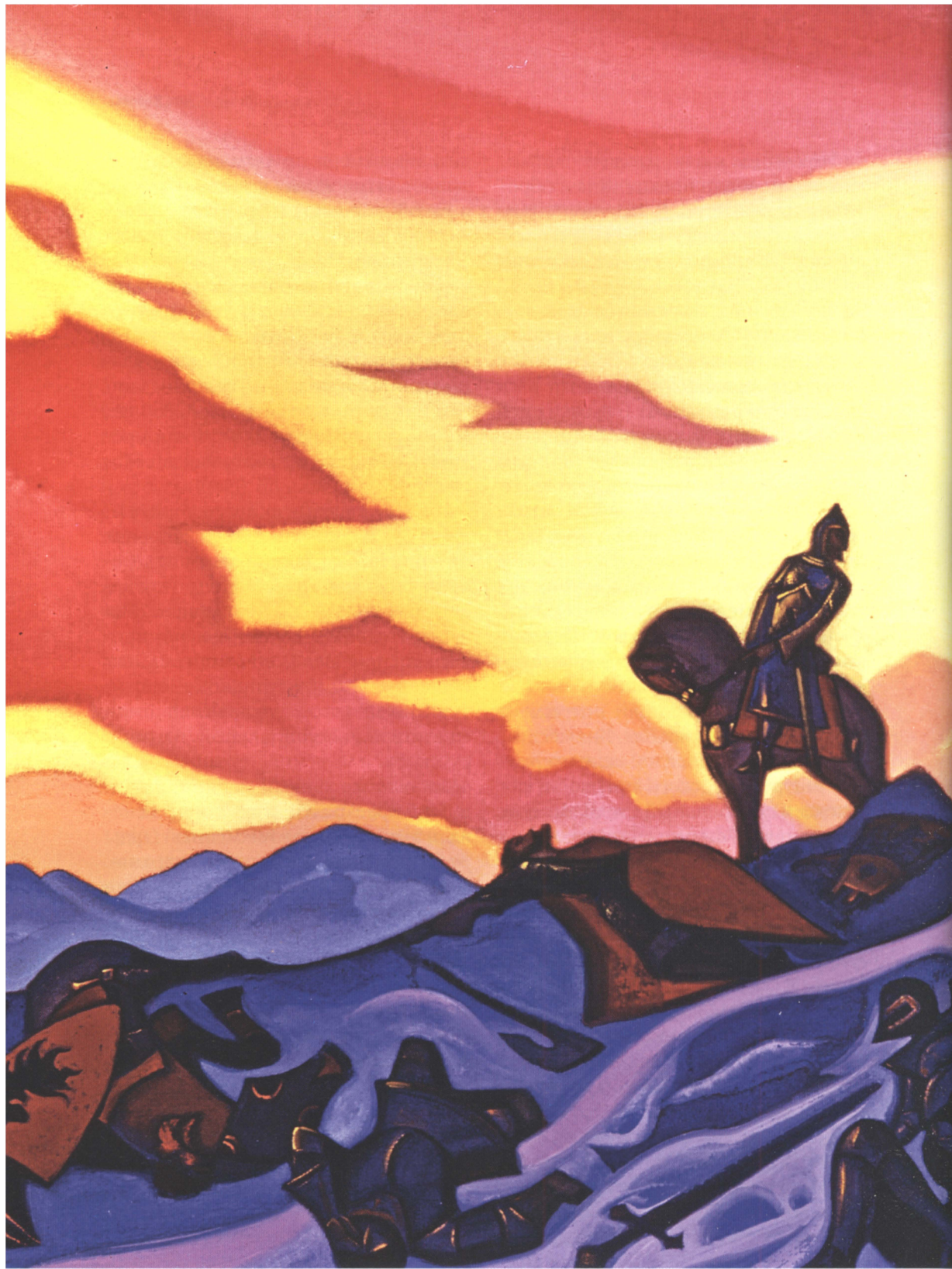
В житии Александра Невского сражению придан эпохальный характер, ибо дело идет о защите пра-

вославной веры от «римлян», как называет автор жития шведов. Именно в такой эпохальной трактовке через житие святого благоверного князя Александра Невского и вошла Невская битва в историческую память населения сначала Владимиро-Суздальской, а потом и Московской Руси XIV – XVII вв. Это неудивительно, ведь Александр был великим князем Владимирским в 1252 – 1263 гг., а его младший сын Даниил стал родоначальником великих князей Московских.

Для духовного лица, автора жития, «римляне» казались опаснее ордынцев. Последние, хотя и грабили церкви и убивали православных в ходе Батыева нашествия и карательных ратей, но не притесняли православную церковь как общественно-культурный институт. Более того, духовенство было единственной социальной группой русского населения, которая была освобождена ханами от дани. Батый и его преемники позволили основать в пределах самой Золотой Орды русскую православную епархию. На воззрения русского духовенства воздействовали и несчастья греческих собратьев по вере, а, как известно, большинство русских митрополитов, назначаемых на киевскую, а потом на владимирскую кафедры, были родом греки, болгары или сербы. Четвертый крестовый поход завершился в 1204 г. захватом Константинополя западными крестоносцами. Византийцы полстолетия отвоевывали назад свою столицу и империю. Это обстоятельство еще более ожесточило православных во всех концах света против «римлян». Монголы же между тем оказались

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

союзниками византийцев по борьбе с турками-сельджуками.

Но вернемся к событиям 1240-х гг. Судя по Новгородскому летописанию, новгородцы, современники битвы Александра со шведами, оценили его талант военачальника, но не придавали победе того вселенского масштаба, которое дано в житии. Вскоре после невской победы князь Александр повздорил с новгородцами, и ему «указали путь из города». Князь уехал к отцу в Переяславль-Залесский.

Практический вывод, который извлекли из невской победы новгородцы, был, на наш взгляд, таков. Новгород, несмотря на жесткую борьбу с орденом и шведами, оставался самым связанным с Западной Европой уголком Руси. Новгородская торговля с Западом своими промысловыми и восточными транзитными товарами оставалась для Новгорода в 1230 – 1240-е гг. главным источником его процветания и самобытности. Посредниками в данной торговле выступали готландские, а потом северогерманские купцы, прибывавшие в Новгород Невским коридором, который как раз и находился в Ижорской пятине, где разворачивается Невская битва. Захват шведами неевского коридора лишал Новгород самостоятельного выхода в Западную Европу, чем создавал смертельную угрозу северо-русской экономике, а вслед за ней и политической независимости Новгорода. Поход шведов 1240 г. явился первой попыткой кого-либо посягнуть на «новгородское окно в Европу».

Князь Александр Ярославич первым из новгородских князей продемонстрировал, каким должен быть

адекватный ответ на подобную агрессию, и тем определил дальнейшую политику новгородцев в данном регионе вплоть до падения Новгорода в 1478 г. Кстати, Александр показал, что сил, которыми располагал Новгород и его приглашенные князья, вполне достаточно, чтобы достойно отражать шведскую агрессию от новгородских границ.

Источники не позволяют нам точно знать, в чем состояла ссора князя-победителя с новгородцами, последовавшая вскоре после того, как Александр и его воинство под звон колоколов и ликование народа вернулись в Новгород. Можно лишь предположить, что князь настаивал на каких-то новых военных предприятиях, а новгородцы полагали войну законченной и оценили настойчивость Александра как вмешательство в их «вольности», в частности, право самим определять внешнюю политику. Александр с семьей и дружиной покинул Новгород.

Между тем в то же лето пришли в активность крестоносцы и началась Новгородско-ливонская война 1240 – 1242 г. В это время Орден меченосцев уже канул в Лету. 9 февраля 1236 г. Папа Григорий IX призвал меченосцев к крестовому походу на языческую Литву. 22 сентября 1236 г. меченосцы были разгромлены литовцами в Шауляйском сражении. В этой битве пали магистр Волгуин фон Намбург (Фольквин фон Винтерштаттен) и большинство братьев-рыцарей.

Однако в 1237 г. орден был воссоздан под названием Ливонского по приказу Папы Римского – как филиал Тевтонского ордена (но на деле ливонцы были абсолютно самостоя-

тельны). В 1240 г. ливонские рыцари во главе военных отрядов из подчиненных им городов Юрьева и Медвежей Головы направились к Изборску. Союзником крестоносцев выступил русский князь Ярослав Владимирович, изгнанный некогда из Пскова. Псковичи встретили неприятелей у Изборска, но битву проиграли, их воевода Гаврила Бориславич был убит, многие псковичане пали, других взяли в плен, за третьими гнались до самого Пскова, где подожгли посад, а запершихся в Кромех псковичей осаждали целую неделю. Взять город ливонцы не смогли и ушли. Но вскоре посадник Твердило Иванкович убедил псковитян пустить немцев в город. Часть псковских бояр, недовольных этим решением, бежали с семьями в Новгород. Меченосцы и чудь вместе с людьми Твердила Иванковича приняли воевать новгородские села.

Позиция псковичей отнюдь не так неожиданна, как может показаться неосведомленному в псковско-новгородских противоречиях наблюдателю. Псков в XIII в. еще пригород Новгорода, но там уже давно существует собственный княжеский стол, на котором чаще всего сидят либо враждебные Владимиро-Суздальскому княжеству князья, либо князья, независимые от него. Псков явно тяготеет к зависимости от «старшего брата» Новгорода и стремится к независимости. Псковичи часто находили общий язык с крестоносцами, выступали их союзниками в совместных походах на языческую чудь и литву. Например, в ходе знаменитого набегу меченосцев на Литву в 1236 г., закончившегося громкой победой

литовцев и гибелью магистра Волквина, на стороне рыцарей бился и почти весь poleg псковский отряд в 200 бойцов. Лишь два десятка псковитян вернулись тогда домой.

О возможности не только войны с схизматиками, но и компромисса с ними помышлял порой и Святой престол. Еще до вторжения монголов Папы Иннокентий III и Григорий IX обращались с буллами к Руси. Правда, как воззвания Иннокентия III к русским мирянам, так и булла Григория IX к великому князю Юрию Всеволодовичу Владимиро-Суздальскому остались без взаимности.

Сделав Псков и Изборск своими базами, ливонские рыцари зимой 1240 – 1241 гг. вторглись в новгородские владения чудь и водь, опустошили их, обложили жителей данью. В Тесове и Копорье рыцари принялись строить собственные крепости. На севере они дошли до Луги и осмелели до того, что грабили на дорогах в 30 верстах от Новгорода. Одновременно с рыцарями, хотя и совершенно независимо от них, в новгородские волости стали совершать набеги литовцы.

В интересах Новгорода было не допустить союза псковичей с немцами. Стоит ли говорить, что князья Владимиро-Суздальской Руси вполне разделяли позицию новгородцев в этом вопросе. Поэтому, несмотря на ссору своего старшего сына Александра с Новгородом, великий князь Ярослав Всеволодович откликнулся на просьбу новгородцев о помощи. Вместе с дружиной к ним выехал второй великокняжеский сын – Андрей. Однако новгородцы всегда отличались прагматизмом, поэтому они по-

слали к Ярославу новое посольство во главе с архиепископом Спиридоном, умоляя послать к ним на княжение именно Александра. Ярослав послал сына, и в начале 1241 г. князь Александр был уже в Новгороде.

Весной 1241 г. Александр Ярославич во главе своей дружины и новгородского ополчения взял Копорье. Крепость срыли, плененных рыцарей отправили заложниками в Новгород, а служивших у них воинов из чуди и води повесили.

Зимой 1242 г. Александр вместе с братом Андреем, приведшим из

Владимири-Суздальской земли ополчение, захватил Псков. Затем русские войска двинулись в земли ордена. Ливонцы, собрав все свои силы, выступили им навстречу. Авангард русского войска вскоре попал в засаду и был уничтожен. Александр отвел свои полки из ливонских границ и встал на Узмени, узкой протоке, соединяющей Чудское и Псковское озера, у Вороньего камня (островка утеса, ныне скрытого водой Чудского озера) [5].

Немецкие крестоносцы строились обычно в боевой порядок, известный

под названием «кабаньей головы». Это была узкая, но довольно длинная колонна. По бокам ее двигалась рыцарская тяжеловооруженная конница, а во главе находился клин из нескольких сужающихся к переду рядов наиболее опытных и закаленных в боях братьев-рыцарей. В центре колонны находилась пехота из финно-угорских кнехтов, которым в бою отводилась второстепенная роль. Мало какому противнику удавалось выдержать удар «кабаньей головы».

Зная об этом, Александр Ярославич основные свои силы разместил на флангах. Здесь находились тяжеловооруженные пешие новгородские полки. В центре же стояли владими́ро-сузда́льские ополченцы. За полком левой руки в засаде находились конные дружины Александра и Андрея Ярославичей. Впереди всех встали лучники, а сзади русского воинства, возле крутого берега, были поставлены скованные цепями сани обоза, так что и бежать было невозможно, и рыцарям не проехать.

Сражение произошло 5 апреля 1242 г. на льду озера. Ливонцы пробили русский центр и закружились перед саями. С флангов их стали сжимать полки правой и левой руки. «И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей», и все замерзшее озеро покрылось кровью, отметил летописец. В ряде мест весенний лед проломился, и тяжелые рыцари, доспехи которых весели до 70 кг, пошли на дно. Крестоносцы начали отступление, которое переросло в бегство, когда

в бой вступили княжеские дружины. Победа осталась за русскими. Пленных рыцарей босыми и с непокрытыми головами вели пешком подле их коней до Пскова, захваченных в плен ландскнехтов казнили.

Ливонская «Рифмованная хроника» утверждает, что в Ледовом побоище погибли 20 братьев-рыцарей и 6 попали в плен. Хроника Тевтонского ордена «Die jüngere Hochmeisterchronik» сообщает о гибели 70 братьев-рыцарей. Эти потери не учитывают павших светских рыцарей и прочих орденских воинов. В Первой Новгородской летописи потери противников русских представлены так: «и... паде чюди бещисла, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша и приведоша в Новѣгородъ».

Поражение в сражении на Чудском озере заставило Ливонский Орден просить о мире: «Что зашли мы мечом... от того всего отступаемся; сколько взяли людей ваших в плен, теми разменяемся: мы ваших пустим, а вы наших пустите». За город Юрьев (Дерпт) орден обязывался выплачивать Новгороду «юрьеву дань». И хотя война 1240 – 1242 гг. не стала последней между новгородцами и крестоносцами, сферы их влияния в Прибалтике не подвергались заметным изменениям в течение трех веков – вплоть до конца XV в.

Отношения Пскова с немцами по ходу этих веков ожесточались. Псков в XIV в. получил независимость, но остался в контексте новгородско-владимирских представлений об отношениях с орденом.

В итоге олицетворенная в действиях князя Александра линия владими́ро-сузда́льского понимания позиции Новгорода и Пскова в отно-

⇐ Монгольские воины. Фрагмент картины И. Билибина Изгнание хана Батая.

шениях с западными соседями взяла верх.

Автор же «Повести о житии благоверного князя Александра Невского» придает действиям князя религиоз-

ную окраску, вкладывая в его уста следующие слова: «О, невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал Го-

⇐ Прием Александром Невским папских послов в Новгороде. Художник Г. Семирадский.

сподь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и Бога своего, избавившего их от плена египетского!» На первом плане мы видим опять призыв не забывать «Бога своего». Мотив верности православной вере, не допускающий компромисса с «римскими еретиками», заслоняет все прочие резоны деятельности святого Александра Невского. Но остается кое-что и от реального воителя-князя. Надо обратить внимание на упоминание о «внуках Александровых»: несмотря на все новгородские и псковские вольности, суздальский князь упорно отстаивает претензии своего рода на постоянное присутствие и участие в северных делах.

Однако князь Александр Ярославич был не только решительным и часто беспощадным воеводой. Ему была свойственна и гибкость дипломата, вытекающая из правильного понимания политических реалий Новгородской земли и ее внешнеполитических интересов. Участвовавшего в войне на стороне Ливонского ордена князя Ярослава Владимировича мы вскоре встречаем замирившимся с Новгородом. Он сидит князем в новгородском пригороде Торжке.

В отечественной историографии традиционно придается большое значение Ледовому сражению как значительному успеху новгородской и – в целом – русской внешней политики. Ряд современных исследователей склонен считать такую оценку завышенной. Российский историк И. Н. Данилевский и английский

историк Дж. Феннел полагают, что масштабы битвы были невелики, а деятельность князя Александра в войне 1240 – 1242 гг. мало отличалась от действий его предшественников и преемников в отношении экспансии крестоносцев.

Окончательно Ливонский орден будет разгромлен – вплоть до прекращения своего существования – только Иваном Грозным.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР И ЛИТВА

В последующие годы (1242 – 1247) в шведско-новгородских и новгородско-орденских отношениях царили мир и затишье. Зато литовские племена, еще разрозненные, но осознавшие свои силы после 1236 г., усилили набеги на все сопредельные с ними земли, включая новгородские пределы. Эти походы преследовали чисто грабительские цели и вызывали закономерную ненависть. Крупнейшие контракции, в которых принимал участие Александр Ярославич, пришлось на 1245 и 1246 гг.

В конце 1245 г. восемь литовских князей прошли до Бежецка и Торжка. Жители Торжка во главе с князем Ярославом Владимировичем выступили против литвы, но были разбиты. Литовцы, пополнив полон и прочую добычу, повернули домой. Однако жители северо-западных областей Владимиро-Суздальского княжества – тверичи и дмитровцы разбили литовцев под Торопцом. Литовцы укрылись в городе. На следующей день сюда с новгородцами (включая владыку и посадника) подошел князь Александр. Торопец был взят приступом, а все литовцы, включая князей, истреблены. Все русские пленники были освобождены.

Под стенами Торопца Александр разошелся с новгородцами в оценке дальнейших действий. Новгородское ополчение с посадником и тысяцким, владычин полк во главе с архиепископом ушли домой. Александр со своей дружиной в начале 1246 г. через Смоленскую землю вышел в литовские пределы, атаковал литовские отряды под Жижичем и разбил их.

В 1246 г. кончается чисто новгородский период в деятельности Александра. Ранее Александр Ярославич как отправленный в Новгород младший князь Владимиро-Суздальской земли не имел ни нужды, ни возможности проводить какую-либо линию в отношении монгольских завоевателей. Это было дело его старших родственников и тех молодых удельных князей, которые находились дома – в своих уделах.

В роли новгородского князя Александр выступил с 1238 по 1246 г. талантливым и гибким защитником интересов Новгородской земли. Он отстоял от посягательств ордена и Швеции хорошо освоенные Новгородом его прибалтийские владения, что позволяло Новгороду сохранить роль крупнейшего торгового партнера Запада, самобытный уклад и вольности. При этом влияние его родной земли – Владимиро-Суздальского княжества – на севере Руси заметно укрепилось.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

Как в 1238 – 1246 гг. князь Александр относился к монголо-татарам, мы можем только догадываться, опираясь на те крохи информации,

которые донесли до нас летописные сообщения. Большинство летописей утверждает, что до 1246 г. Александр не бывал в Орде и поехал туда только после приказа Батые, призвавшего сказать князю: «Мне покорил Бог многие народы, ты ли один не хочешь покориться мне? Но если хочешь ныне сохранить свою землю, то приходи ко мне». Новгородская Четвертая летопись (и только она одна) сообщает о поездке Александра в Орду и возвращении его оттуда еще в 1242 г. Можно предположить, что Александр мог ездить в Орду в качестве посла своего отца, предвзято поездку Ярослава, состоявшуюся в 1243 г. Однако такая гипотеза, основанная на данных одной из новгородских летописей, плохо состыкуется с сообщениями других источников о словах Батые. Формальной причиной неявки Александра в Орду был его статус новгородского князя. Батый не завоевал Новгорода, а во Владимиро-Суздальской земле князь Александр не имел собственного удела и не был улусником хана.

Из его неявки в Орду в 1243 – 1246 гг. вряд ли можно сделать далеко идущие выводы, за исключением разве несогласия с утверждением Л. Н. Гумилева о якобы исключительной протатарской ориентации Александра с первого момента появления азиатских завоевателей у русских границ. Независимая политика Александра на северо-западе Руси без оглядки на Золотую Орду (по крайней мере нет ни одного источника, указывающего на связь Александра и Орды или участия Орды

⇒ Ледовое побоище. Миниатюра Лицевого летописного свода.

в новгородских делах в эти годы) скорее говорит о молчаливом неприятии Александром ханской власти. Поведение новгородского князя Александра контрастировало с поведением других северо-восточных князей, стремившихся из поездок в Орду извлечь максимальную выгоду для себя и своего удела.

Не совсем обычным было и поведение Александра на похоронах отца. Тело Ярослава прибыло во Владимир не ранее апреля 1247 г. Под этим годом и помещает рассказ о похоронах Ярослава Новгородская Первая летопись. Она подчеркивает, что прибыл Александр из Новгорода во Владимир не просто со свитой, а «в силе тяжце. И бысть грозен приезд его». Александр явно не спешил выполнить приказ регентши Монгольской империи ханши Туракины о явке старшего сына Ярослава в Каракорум, как и аналогичный приказ Батия. По крайней мере он отправился к Батю только после отъезда

в прикаспийские степи своего младшего брата Андрея.

Мы не имеем достоверных известий источников, чтобы точно сказать, с какими мыслями ехали братья Ярославичи к Батю. Были ли они послами своего дяди великого князя Владимирского Святослава Всеволодовича, или имели намерения с помощью власти могущественного властелина Золотой Орды сместить дядю с владимирского престола. Последнее приписывают Ярославичам многие историки, анализируя дальнейшее развитие событий.

Смерть Ярослава в 1246 г. резко изменила положение его старшего сына Александра. Из младшего князя, отданного великим князем в распоряжение Новгорода, он переходил в удельные владими́ро-суздальские князья. Брат умершего Ярослава – Святослав Всеволодович – согласно очередному порядку престолонаследия, принятому на Руси с 1054 г., занял великокняжеский Владимир-

⇨ Золотая Орда и Русь.

ский стол. Александру как старшему из Ярославичей он отдал вотчину его отца – Переяславль-Залесский. Святослав был последним из живых сыновей Всеволода Большое Гнездо, следовательно, скоро Александр, его родные и двоюродные братья должны были выстроиться в очередь на занятие великокняжеского стола. Надо было при этом учитывать не только право родового старшинства (которое, кстати, находилось не на стороне Ярославичей, а на стороне одного из ростовских князей – Владимира Константиновича Углицкого), но и фактор реальной силы и известности, чего у Александра было в избытке. Требовалось учитывать и новшество последних лет – ханскую волю. По праву завоевателя властелин Золотой Орды мог дать ярлык на великое княжение Владимирское любому из понравившихся ему владими́ро-суздальских князей.

Все это уводило Александра от Новгорода – города его героической боевой юности, делало князя прежде всего политиком, руководствующимся обстановкой во Владимиро-Суздальской Руси. А здесь отношения с Сараем, столицей Золотой Орды, были решающими.

Большинство летописей утверждает, что золотоордынский хан Батый не стал сам решать вопрос о распределении столов во Владимиро-Суздальском княжестве и других подчиненных монголам землях Руси. Хан послал братьев в Каракорум, столицу Монгольской империи. Русские летописи утверждают, что Александр произвел на Батю сильное впечатление и был принят «с честью». Интересно, что так же Батый встретит в 1250 г. упорного и последовательного своего противника князя Даниила Галицкого. Причем Даниила Бату-хан не пошлет в далекий Каракорум, не будет настаивать на тяжком для христианина выполнении ритуального языческого обычая – питья кумыса и сразу выдаст ярлык на Галицко-Волынскую Русь.

Делать из такого удачного для юго-западного князя исхода вывод об особой приязни хана к Даниилу не приходится. Это был простой политический расчет. Поэтому непонятно, на основании каких источников историк Л. Н. Гумилев утверждал о заключении между Батыем и Александром дружественного союза. Совершенно бездоказательным выглядит и сообщение о совершении обряда побратимства между Александром и сыном Батю

⇨ Александр Невский в Переяславле-Залесском.

Сартаком. Ни русские летописи, ни какие иные источники ничего не говорят об этом. Кстати, не смотрится ли странным совершение двумя христианами чисто языческого обычая: смешивание крови побратимов над чашей кумыса с по-

✚ Князь Александр и сын Батыя Сартак.
Художник Ф. Москвитин.

следующим употреблением этого напитка? Умалчивают русские летописи и о том, какое впечатление произвел великий восточный завоеватель на Александра. Хвалить язычника, «поганого сыроядца», православный летописец не мог, достаточно было того, что он признавал ханскую власть – властью от Бога «по грехам нашим».

Скорее всего, поворот, который в дальнейшем действительно произойдет в отношении Александра к монголо-татарам, не вызван воздействием личных симпатий Батыя и Сартака к Александру или русско-го князя к ордынским правителям. И не станет результатом осознания Александром некой фатальной общерусской необходимости союза

с Великой степью против угрожающей всей Руси экспансии Запада. Во-первых, западноевропейская экспансия, как мы видели, велась только на северо-западных рубежах Руси. Во-вторых, в результате ее русские потеряли не собственные земли, а лишь сферы влияния (данников) в Прибалтике. Для остановки попыток шведов и ордена аннексировать собственно новгородско-псковские владения хватило местного ополчения и тех сил, которые после Батыева разгрома сумел послать в помощь Новгороду великий князь Владимиро-Суздальский Ярослав. В-третьих, совершенно не потребовалась ордынская зависимость для Западной Руси, чтобы остановить натиск крестоносцев на ее пределы. Создав с литовцами новое политическое объединение – Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское, уделы, составлявшие некогда единое Полоцкое княжество, достойно противостояли как ордену, так и Орде, успешно отвоевав у последней в XIV в. южнорусские территории.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ АЛЕКСАНДРА КАК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРСКОГО

Решающим для Александра Невского явилось трезвое сопоставление сил его родной Владимиро-Суздальской Руси в купе с союзным ей Новгородом и военного потенциала Монгольской империи. Александр был достаточно знаком с положением дел в Западной Европе. По крайней мере он знал западные военные ресурсы в Прибалтике настолько, чтобы не надеяться, как

в свое время Даниил Галицкий, на возможность организации Папой Римским крестового похода против язычников-монголов. Папа не смог организовать единства западных сил даже в Прибалтике, с трудом гасил вражду, вспыхивающую то и дело между Польшей и орденом, Данией и орденом и т. д. После похода Батыя в 1241 – 1242 гг. на Польшу, Венгрию и страны Адриатики самым разумным для западных европейцев было не дразнить зверя. Что они и не стали делать, проигнорировав призывы Иннокентия IV к организации крестового похода в помощь обещавшему принять католичество Дании-Лу Галицкому.

Для изучения Монгольской империи у братьев Ярославичей было достаточно времени. Они пробыли в ней два с лишним года, вернувшись на Русь лишь в конце 1249 г. К счастью для Ярославичей, ханша Туракина, возможная убийца их отца, сама пала жертвой отравления. Ее сын Гуюк, политический противник Батыя, был императором только в 1246 – 1247 гг. После его смерти в ожидании нового курултая для выборов верховного хана Чингизиды погрязли в междоусобных сварах. Участие Батыя в этих внутренних распрях отвлекало его от устройства системы зависимости в побежденных им некогда странах.

Раздел столов между Андреем и Александром в Каракоруме произвела регентша главного ханского престола, мать хана Мунке, двоюродного брата и союзника Батыя. Раздел свидетельствовал о слабом знакомстве регентши с реальным положением дел на Руси. Александр как старший получил Киев, что,

очевидно, олицетворяло в понимании ханши и власть князя на всей Руси. Ярлык на всю Русь давал в 1243 г. Ярославу и Батый. Андрею как младшему выделили Владимиро-Суздальское княжество. Однако на деле этот раздел не сулил ничего хорошего Александру. Киев был разорен, да и на юге Руси в то время владимиро-суздальские князья не имели уже никакого влияния.

Александр поехал не в Киев, а в Новгород. Татищев, опираясь на недошедшие до современных исследователей летописи, утверждает, что князь намеривался ехать в Киев, однако его отговорили новгородцы «ради татар», т. е. пугая татарской опасностью. Позже мысль о Киеве уже не посещала Александра. В 1250 – 1252 гг. он был занят привычным военным противостоянием с литвой и рыцарями. Улаживал дела с Норвегией, чьи люди пограбили карельских данников Новгорода. Вопрос о разграничении владений между Новгородом и норвежским конунгом Хаконом решился путем обмена посольствами. Возможно, даже ставился вопрос о создании новгородско-норвежского союза. По крайней мере Александр затевал сватовство своего сына Василия к дочери Хакона. После превращения Александра в великого князя Владимирского к вопросу о сватовстве больше не возвращались.

Великий князь Владимирский Андрей в 1250 – 1252 гг. выступает союзником Даниила Галицкого. Альянс Владимиро-Суздальской земли и Галицко-Волынский отражала и женитьба Андрея на дочери Даниила. Антиордынское выступление во Владимиро-Суздальской зем-

ле в 1252 г. заставило Александра поехать в Сарай. Батый в это время находился на курултае в Каракоруме. Его наместником в Орде был Сартак, который и направил рать царевича Неврюя с двумя темниками на Владимиро-Суздальские земли. Летопись приводит слова Андрея: «О, Господи! До каких пор нам ссориться друг с другом и наводить тартар на Русь!»

Источники не сообщают, кто из князей конкретно ссорился с Андреем и донес на него татарам. Историки здесь обычно приводят две гипотезы, подтверждая их чисто логическими построениями. Щебатов, Беляев, Клепинин возложили вину на согнанного Андреем с великокняжеского стола Святослава Всеволодовича. Осенью 1250 г. он ездил в Орду жаловаться на племянника, но в деле возвращения себе престола явно не преуспел, а в 1252 г. умер. Версия Татищева, которую поддерживали Соловьев и большинство современных авторов, выглядит убедительней. В ней на обиды в Орде жалуется Александр. Летописи действительно видят Александра у Сартака в 1252 г., но они не уточняют, когда он приехал в Сарай: до Неврюевой рати или после нее. При разделе столов младший Андрей безусловно обошел старшего Александра. Возможно, Андрей даже позволил своему младшему брату Ярославу Тверскому завладеть Переяславским уделом Александра. Почему-то в Переяславле в момент его взятия Неврюем оказалась семья Ярослава и был убит его воевода. Под Переяс-

лавлем были разгромлены и наспех собранные Андреем русские силы. Даниил ничем не сумел помочь своему зятю. Новое опустошение пронеслось по Владимиро-Суздальской земле. Андрей бежал в Новгород, там его не приняли, и он через Псков попал в Ревель, а оттуда в Швецию. Александр получил ярлык на великое княжение Владимирское и был великим князем до 1263 г.

Все его действия теперь были определены интересами именно Владимиро-Суздальской земли. Итоги Неврюевой рати свидетельствовали о гибельности для Владимиро-Суздальского княжества военной конфронтации с Ордой. Курсом Александра стал вынужденный компромисс. Стоит заметить, что до 1257 г. он больше не ездил в Орду. Батый умер в 1255 г., Александра не было в Орде ни при вступлении на престол Сартака, ни позже, при воцарении его сына Улагчи.

⇒ Александр Невский на фоне Московского Кремля. 1889 г. Икона.

В 1257 г. золотоордынским ханом стал брат Батые Берке. Явившись к Берке вместе с братом Андреем, Александр получил для последнего прощение и ярлык князя Суздальского, сам же был опять пожалован великим княжением Владимирским.

Тем временем воцарившийся в 1252 г. в Каракоруме хан Мунке сумел на время прекратить ссоры Чингизитов и стал энергично заниматься устройством Монгольской империи. Во все улусы, включая Золотую Орду, были посланы указы о проведении переписи для упорядочивания налоговых отчислений центру. Берке выполнил приказ императора и послал численников на Русь. Известно, что в 1257 г. на северо-востоке Руси (в Рязанском и Владимиро-Суздальском княжествах) перепись прошла спокойно. Александр и его удельные князья прекрасно осознавали, что невыполнение приказа означает карательный поход, причем не только сил Золотой Орды, но и туменов верховного монгольского правителя.

Привез князь Александр численников и в считавший себя независимым от монголов Новгород. Это вызвало в Новгороде в 1257–1259 гг. два восстания и переписать новгородцев в итоге смогли лишь со второго раза, шантажируя якобы присутствием в Низовской Руси огромного татарского войска. Причем в восстании 1257 г. на стороне новгородцев выступил даже 16-летний сын Александра новгородский князь Василий, бежавший при приближении отца в Псков. Урядив новгородцев с татарами, которые на сей раз ограничились принятием богатых даров без переписи, Александр прогнал

⇒ Ордена Александра Невского: (слева направо) в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации.

Василия из Пскова, советников его казнил или изуродовал (приказал отрезать за дурной совет уши и выколоть глаза). В Новгород Александр послал второго своего сына, 7-летнего Дмитрия. Используя зависимость Новгорода от поставок суздальского хлеба и военной помощи, великий князь Владимирский Александр хотел принудить богатый Новгород разделить с его княжеством бремя выплаты регулярного ордынского выхода. Кроме того, ордынская перепись еще больше связывала русский север и русским северо-востоком, относя их к одному русскому миру, скрепляемому еще и внешней Ордынской силой.

При этом Александр зорко следил за отношениями Орды и Каракорума. Курс Берке на независимость от Каракорума не прошел мимо внимания владимирского князя. Именно этим можно объяснить повсеместное избиение и изгнание из Владимиро-Суздальской Руси в 1262 г. откупщиков бессерменов, присланных из Каракорума. Александр не предпринял попыток подавлять данное движение. Причем поездка самого Александра в Орду к Берке с данью и дарами увенчалась двойным успехом: карательной рати за истребление каракорумских откупщиков не последовало; было отменено и первоначальное требование хана о мобилизации во Владимиро-Суздальских землях русских рекрутов для участия в войне Золотой Орды с хулагидским Ираном. Благодаря этому Алек-

сандр сумел послать значительные владими́ро-суздальские силы в помощь сыну своему Дмитрию для новой войны с литвой и оОрденем.

Поездка Александра Ярославича к Берке в 1262 – 1263 гг. оказалась последним делом его жизни. Задержанный в Орде на зиму, князь занемог и скончался при возвращении на Русь в Городце на Волге 14 ноября 1263 г. Князю было около 43 лет.

Слуги привезли тело князя к Владимиру. В Боголюбове «митрополит Кирилл, князья, бояре и весь народ, малые и великие, встречали его со свечами и кадилами. И был вопль, и тоска, как никогда не бывало, и земля сотряслась. – Чада мои, – сказал митрополит, – знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! И все воскликнули: Уже погибаем!»

Князь Александр Ярославич, истинный сын своего времени, был, безусловно, одним из самых ярких князей удельной Руси середины XIII в. Хотя значительная часть его жизни прошла в Великом Новгороде, князь был прежде всего предан своей

родине – Владимиро-Суздальскому княжеству. Он всегда держал в центре внимание владими́ро-суздальские интересы. Особенно ярко это проявилось в период великого владимирского княжения Александра в 1252 – 1263 гг.

Посмертная слава Александра трудами владими́ро-суздальских летописцев и монахов, авторов житийной литературы превзошла прижизненную известность князя. Образ святого князя Александра Невского, защитника православной веры, рос на северо-востоке Руси от столетия к столетию. В Московском государстве XV – XVII вв. он стал трактоваться как образ защитника всей Земли Русской. А в начале XVIII столетия российский император Петр I, победив шведов в Северной войне, стал называть Александра Невского своим предшественником в деле утверждения России на Балтийских берегах. Рака с мощами князя Александра Невского была перевезена из Владимира в новую столицу Российской империи – Санкт-Петербург.

Екатерина II в письмах к западноевропейским просветителям сравнивала подвиги Александра Невского с подвигами Александра Македонского. Так Александр Невский стал не только религиозным, но и государственным символом российской национальной идентичности.

ЧЕРНИКОВА Т. В.,
к.и.н., доцент МГИМО (У)

[1] «В лето 6528-го. Ходил Ярослав Володимерич из Новагорода на Чюдь, и победи, и постави град Юрьев в свое имя» (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 75). Предполагают, что поводом к походу Ярослава могло послужить то обстоятельство, что эсты приняли сторону Канута, короля Дании и Англии, противник которого Олаф Толстый, король Норвегии, получил помощь от Ярослава.

[2] Братство воинов Христа (лат. *Fratres militiæ Christi de Livonia*) основано в 1202 г. Дитрихом, братом рижского епископа Альберта фон Буксгевдена. Другое название братства – Орден меченосцев (нем. *Schwertbrüderorden*) – произошло от эмблемы рыцарей. Они носили на белых плащах изображение красного меча и мальтийского креста. В отличие от крупных духовно-рыцарских орденов, меченосцы сохраняли номинальную зависимость от рижского епископа. 1/3 завоеванной ими земли отходила епископу.

[3] Биргер из Бельбю из рода Фолькунгов, (1216? – 1266), очень почитаемый в Шведском королевстве государственный деятель. Став ярлом в 1248 г., фактически правил Швецией с 1248 г. при короле Эрике Эриксоне, а с 1250 г. при короле Вальдемаре I, своем сыне. Проводил политику укрепления королевской власти. В 1249 возглавил крестовый поход против финского племени емь и победил его. Считается основателем Стокгольма (1252).

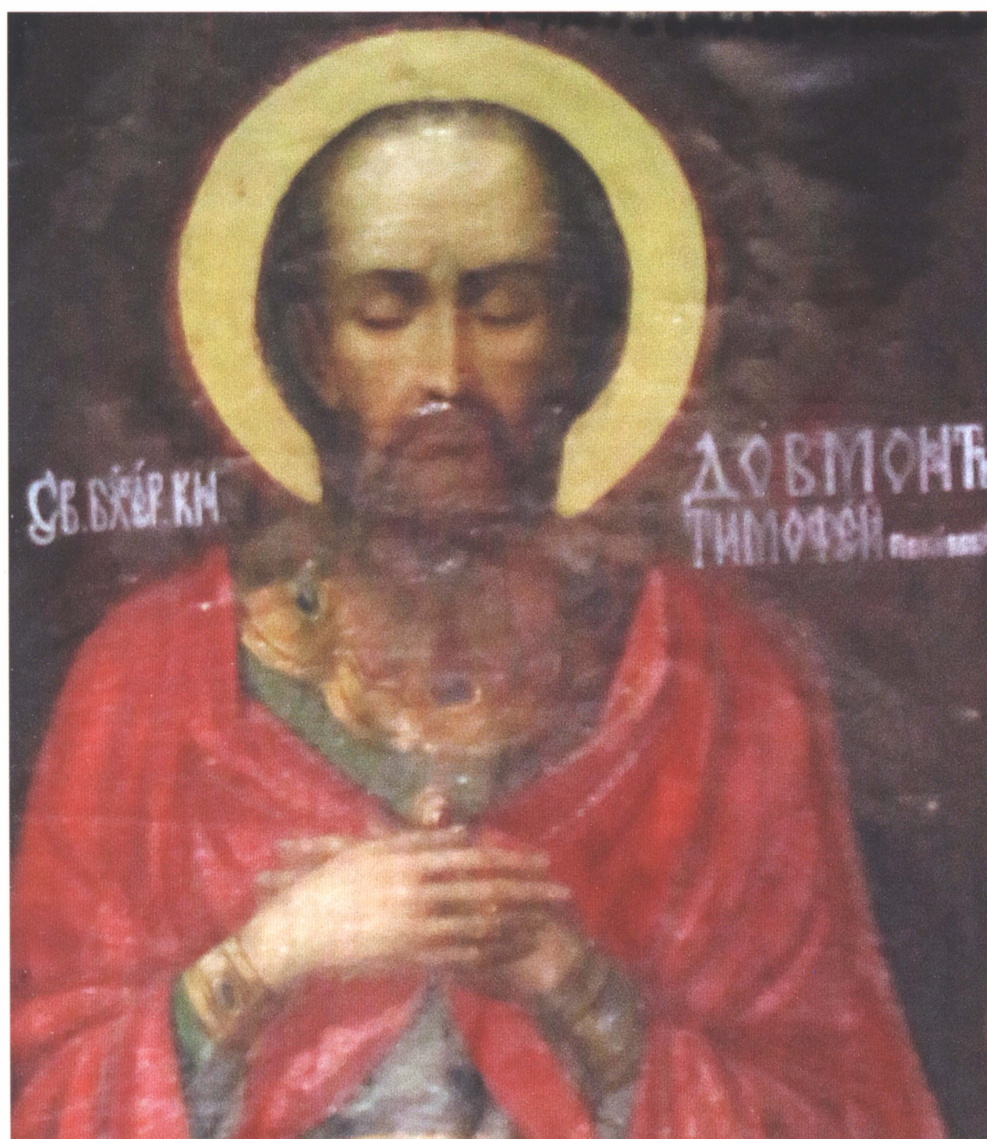
[4] «Рукописание Магнуша» предостерегает северных соседей Руси – шведов и норвежцев – от войны с Новгородом. «Рукописание...» представляет собой вымышленное завещание Магнуса Эриксона, короля Швеции (1319 – 1363 гг.) и Норвегии (1319–1355 гг.), поход которого на новгородские земли в 1348 г. кончился полным разгромом шведского войска. (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX – XIV вв. М., 1978, с. 124 – 127).

[5] Экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Г. Н. Караева пришла к выводу, что, скорее всего, битва на Чудском озере происходила в 400 метрах к западу от современного берега мыса Сиговец, между северной его оконечностью и шириной деревни Остров. Подробнее см.: Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. – М. – Л., 1966.

ДОВМОНТ

ПСКОВСКИЙ КНЯЗЬ

1240 – 1299

Один из самых любимых и необычных героев древнерусской истории XIII в. – князь Довмонт Псковский. Летописи различных русских земель этого времени, и враждебных Пскову, и дружественных ему, рисуют облик князя Довмонта практически одинаково. Он предстает как идеальный князь, защитник своей земли, лишенный честолюбивого княжеского эгоизма, князь-бессребреник, не наживший материального богатства и не основавший собственной династии.

Почитание Довмонта Псковского как местного святого зародилось вскоре после его кончины 20 мая 1299 г. В сонм общерусских святых он вошел в XVI в., будучи канонизирован, как и Александр Невский, в качестве благоверного князя-воина, сражавшегося за православную веру.

На знаменитом памятнике «Тысячелетия России», поставленном в Новгороде в 1862 г., запечатлены персонажи, чей положительный вклад в русскую историю был бесспорен с точки зрения авторов скульптурной композиции, представителей политической элиты, русской церкви и самого правившего тогда царя-освободителя Александра II. Император лично утвердил список всех героев отечественной истории, которых запечатлел памятник. На нем нет Ивана Грозного, а князь Довмонт Псковский присутствует.

Чтобы понять, как Довмонт, происходивший из родо-племенных литовских князей, превратился в крупного военного и государственного деятеля Земли Русской, недостаточно собрать по крупицам его биографические черты. Понять его роль

и место в русской истории можно, только вникнув в сложную мозаичную картину русской политической реальности XIII в.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЗЕМЛИ И ПСКОВ В IX – XIII ВВ.

XIII столетие принесло в древнерусскую историю значительные перемены. Зависимость большей части русских земель от Золотой Орды, рост их дробления на автономные уделы, различия форм государственности, закрепления на престолах Южной, Западной и Северо-Восточной Руси различных ветвей Рюриковичей усилили социокультурный и политический распад Руси. По сути, именно в XIII в. складываются предпосылки формирования в будущем трех этнических общностей – белорусского, украинского и великорусского (русского) народов.

Колыбелью последнего стали уделы Северо-Восточной Руси и новгородско-псковские просторы на ее северо-западе. При этом в XIII – XIV вв. наблюдались значительные социально-экономические и политические различия между вечевым (республиканским) новгородско-псковским северо-западом и уделами Северо-Восточной Руси, входящими в состав великого княжения Владимирского и великого княжества Рязанского. Историки говорят даже о существовании в это время внутри формирующейся великорусской народности особого новгородско-псковского субэтноса, отличительными качествами которого являлись стремление к социально-политической самостоятельности, значительная общественная актив-

ность всех слоев населения, энергичная торгово-промышленная деятельность.

В отличие от владимирских и рязанских уделов, развернутых ордынской зависимостью на Восток, русский северо-запад сохранял тесную связь с европейскими соседями. С одной стороны, можно говорить о хорошо налаженных и взаимовыгодных торговых связях с европейскими странами при посредничестве сначала шведского Готланда, а потом Ганзы. С другой стороны, эта связь выражалась в постоянном геополитическом соперничестве и борьбе за влияние в Прибалтийском регионе с ближайшими соседями Новгорода и Пскова – Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским.

Ливонская экспансия на русские северо-западные земли была остановлена в ходе Новгородско-Ливонской войны 1240 – 1242 гг. Ключевым событием здесь стало Ледовое побоище. 5 апреля 1242 г. новгородские полки, владими́ро-суздальское ополчение и княжеские дружины Александра Невского и его младшего брата Андрея Ярославича нанесли рыцарям поражение. Заключенный вскоре между Ливонским орденом и Новгородской республи-

кой мирный договор зафиксировал новгородско-ливонские границы, которые, несмотря на многочисленные столкновения, случившиеся в дальнейшем, не менялись вплоть до Ливонской войны 1558 – 1583 гг.

Взаимоотношения Литвы и различных земель Руси были куда более сложными и противоречивыми. В XIII в. литовцы, в прошлом нерегулярно платившие дань Новгороду, стали совершать грабительские набеги в пределы Новгородско-

Псковской и Смоленской земель. В середине XIII в. великий князь Владимирский Александр Невский заключил с великим литовским князем Миндовгом союз против крестоносцев, хотя до этого Александр Невский, еще будучи новгородским князем, часто воевал

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

Князь псковский литовского происхождения, правивший с 1266 по 1299 годы. Он не только сумел удержаться в Пскове с полного согласия его жителей 33 года, не только возглавил псковичей в их победоносных военных походах на внешних врагов, но и привел вечевою Псков к независимости от Господина Великого Новгорода. Псковская политическая самостоятельность продлится до 1510 г.

В исторических хрониках и художественной литературе отмечается как «муж доблести и чести безупречной, на немец лютый до смерти».

с литовцами. Постоянно во враждебных отношениях с литовцами находился в первой половине – середине XIII в. западный «пригород» Новгородской земли – Псков.

Совершенно другие, союзные, отношения сложились у литовцев с городами и уделами Полоцкой земли, особенно Новогрудком. Основатель Литовского княжества Миндовг, как впоследствии и основоположник династии литовских князей Гедимин, оказался на великокняжеском пре-

столе, только получив поддержку в западнорусских полоцких пределах. В конце XIII – середине XIV вв. путем династических браков Гедиминовичей и Рюриковичей, договоров литовских князей с западнорусскими городами и военных действий, в частности против Орды, возникнет обширное литовско-западнорусское государство – Великое княжество Литовское и Русское, в котором после 1362 г. окажутся 8 западнорусских и южнорусских земель из 12 древнерусских земель. Основой для такой государственной русско-литовской консолидации стала совместная успешная борьба с Ливонским орденом на севере и с Золотой Ордой на юге. Объединившись с Литвой, западнорусские земли не только сохранили независимость от золотоордынских ханов, но и сумели освободить от дани и ярлыков южнорусские земли, разбив татарское войско в битве у Синих Вод в 1362 г.

В земли у восточного берега Чудского озера, бассейны рек Великая и Пскова восточные славяне стали проникать на рубеже VIII – IX вв. Ко времени призвания варягов (862 г.) на будущей Псковщине обитала северная ветвь большого восточнославянского племени кривичей. В состав этого племени в процессе ассимиляции влилось немало выходцев из летто-литовских и финно-угорских родов, а также ославянившиеся скандинавы. Первоначально главным центром северных кривичей был Изборск, но уже в X – XI вв. он уступил место Пскову. Первое летописное упоминание Пскова относится к 903 г. Часто Псков фигурирует как «город Ольги». Возможно,

мудрая княгиня и первая христианка у кормила центральной государственной власти в Киеве действительно являлась основательницей этого нового города кривичей.

Псков и его окрестности в X – XI вв. входили в состав Новгородской земли. После 1136 г., когда Новгород получил независимость и в нем установился вечевой строй, Псков стал «пригородом» Новгорода. Как и другие новгородские пригороды (Торжок, Ладога), Псков имел внутреннюю автономию. Уже в XII – первой половине XIII вв. он управлялся вечем, избиравшим посадника. Псковскую социальную элиту составляли местные бояре и купцы. В XII – первой половине XIII вв. они часто выступали как самостоятельная политическая сила, участвуя в новгородском вече.

В начале XIII в. Пскову стало тесно в составе Новгородской земли, псковичи всячески расширяли свою автономию, и Господину Великому Новгороду приходилось прикладывать немало усилий, порой военных, чтобы удержать за собой «свой северо-западный пригород».

Причину псковской тяги к государственной самостоятельности стоит искать в экономике Псковской земли. Здесь, как и в Новгороде, из-за природно-климатического фактора невозможно было организовать самодостаточное земледельческое натуральное хозяйство, но при этом своего продовольствия Псковщина производила куда больше, чем Новгород. Промышленно-торговый уклад Пскова стал не столько основой для прокорма населения, сколько экономической базой для его зажиточности,

создания развитой общественно-политической системы. Собирая дань с окрестных чудских племен, а также ведя собственную промысловую активность (занимаясь рыбной ловлей, охотой на пушного зверя, бортничеством и др.), псковичи получали те товары, которыми торговали с западными соседями и низоскими древнерусскими землями, получая взамен зерно и иные необходимые им вещи. Среди последних немалую роль играли западноевропейские транзитные товары – оружие, различные ремесленные изделия, ткани, вино, драгоценные металлы, которыми Псков прибыльно торговал с русскими соседями. Спрос находили и предметы псковского ремесла, особенно в области обработки металлов. Не случайно позже псковичей прозвали «скобарями». В XII – XIII вв. торговыми партнерами Пскова были ливонские города – Нарва, Дерпт (бывший Юрьев), Рига, а также древнерусские Полоцк и Смоленск. В меньшей степени – Новгород, который скорее являлся торговым конкурентом Пскова.

Связь Пскова с Новгородом основывалась не на общности экономических запросов, а на совпадении военно-политических интересов. В XII в. Пскову и Новгороду, развивавшим свою колонизацию в Прибалтике, противостояла здесь шведская экспансия. Кроме того, Новгород и Псков с середины XI в. вынуждены были отражать претензии полоцких князей, желавших распространить свое политическое влияние на русский северо-запад. В XIII в. к этому прибавились набеги литовцев, первой жертвой которых

в силу географического положения оказывался Псков.

Новгородцы не всегда быстро оказывали псковичам помощь. Псков по мере роста его экономической и военной состоятельности научился сам отражать внешнюю угрозу, сам искать себе союзников. В отличие от Новгорода, всегда враждебного Ордену меченосцев, православный христианский Псков в начале XIII в. не прочь был наладить контакт с крестоносцами, христианами-католиками для борьбы с язычниками-литовцами. Русские летописи сообщают, что в битве при Сауле в 1236 г. на стороне ордена сражался псковский отряд в 200 бойцов. Почти все они погибли в этом сражении.

После создания литовского государства в середине XIII в. атаки литовцев на Псков только усилились. Тем временем Господин Великий Новгород, испытывающий угрозу своим владениям у Финского залива и со стороны шведов, и Ливонского ордена, сосредотачивает свое внимание не на войне с литовцами, а на противостоянии шведам и рыцарям. Во многом «невнимание» Новгорода к псковско-литовской борьбе стало причиной специфической позиции псковичей в ходе Новгородско-Ливонской войны 1240 – 1242 гг. Псковский посадник Твердило сумел убедить псковское вече открыть ворота Пскова ливонским крестоносцам в 1240 г. и разместить в городе орденский гарнизон. Смертельные враги литовцев – рыцари – явно воспринимались боярской и купеческой элитой Пскова как возможные союзники и в борьбе с Литвой, и в за-

⇐ Икона Мирожской Божьей Матери с предстоящими св. князем Довмонтом и его супругой Марией Дмитриевной. Древний список в Псковском музее.

воевании Псковом независимости от Новгорода.

Новгородцы и призванные в Новгород князя Александр Невский и Андрей Ярославичи, сыновья великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, восприняли подобную тактику псковичей как предательство. Не случайно Александр и Андрей поспешили отвоевать Псков и сурово расправиться с псковичами, сторонниками союза с орденом.

После разгрома Ливонского ордена в битве на Чудском озере 5 апреля 1242 г. главным направлением внешней политики Пскова становится борьба и с литовцами, и с крестоносцами. Главной внутренней задачей Пскова становится обретение полной независимости от Новгорода. Антиорденский союз Новгорода и великого князя Владимирского Александра Ярославича Невского с великим литовским князем Миндовгом только укрепил псковичей в их стремлении к независимости.

ПСКОВСКИЙ КНЯЗЬ ДОВМОНТ-ТИМОФЕЙ

Именно в этот момент на псковской исторической сцене и происходит явление главного военного и политического псковского героя – князя Довмонта. Он не только сумеет удержаться в Пскове с полного согласия его жителей 33 года, не только возглавит псковичей в их победоносных военных походах на внешних

врагов, но и приведет вечевой Псков к независимости от Господина Великого Новгорода. Псковская политическая самостоятельность продлится до 1510 г.

Сведения о происхождении Довмонта фрагментарны и противоречивы. Ясным является лишь принадлежность его к литовской родо-племенной знати. Довмонт был княжеского рода и унаследовал власть в Нальшанской области Литвы. Одни литовские хроники утверждают, что он был сыном основателя литовского государства Миндовга и, следовательно, младшим братом Войшелка. По другим свидетельствам, он принадлежал к другому княжескому роду, являлся сыном князя Вита и приходился старшим братом знаменитому князю Тройдену, который стал великим литовским князем в 1270 – 1282 гг.

Очевидно, что первоначально Довмонт признавал верховную власть Миндовга, первого великого литовского князя с конца 1240-х гг., единственного литовского короля с 1253 по 1263 гг. Однако к 1263 г. князь Довмонт оказался среди литовских князей-заговорщиков, замысливших свержение и убийство Миндовга.

Известный русский историк XIX в. С. М. Соловьев писал, что у Довмонта была личная причина ненавидеть Миндовга. По версии Соловьева, Довмонт и Миндовг были женаты на сестрах, и, когда великий князь овдовел, он просто забрал у Довмонта его супругу. По свидетельству одних литовских легенд, это было сделано не без согласия самой Довмонтовой жены, по другим – Миндовг насильно присвоил себе жену Довмонта.

Так или иначе, но оскорбленный Довмонт не сумел вернуть себе жену и сговорился с Тренятой, племянником Миндовга и правителем Жмуди (Жемайтии), напасть на великого князя, когда тот отправится на войну с брянским князем Романом. К заговору примкнули еще несколько племенных литовских князей, и в его итоге Миндовг погиб, а Тренята стал новым великим князем. Но вскоре сторонники Миндовга начали свое мщение во главе с сыном Миндовга – Войшелком. Тренята и некоторые из князей, виновных в смерти Миндовга, были убиты. Войшелк занял великокняжеский престол. Довмонт лишился своей власти над Нальшанской областью и, опасаясь за свою жизнь, в 1266 г. бежал с 300 верными ему дружинниками в Псков.

Псков в то время воевал и с Литвой, и с ливонскими рыцарями. Не имея возможности всерьез угрожать более дальним новгородским землям, крестоносцы решили завладеть псковским порубежьем.

Псковичи ласково встретили смертельно обиженного на одноплеменников Довмонта и позволили ему остаться в городе. Этот жест милосердия, в свою очередь, произвел большое впечатление на беглецов. Вскоре Довмонт и его люди решили принять православие. Вместе с христианским именем Тимофей бывший литовский князь принимает и новую Родину. Клятва верности православию и псковичам, принесенная Довмонтом-Тимофеем в 1266 г., будет ревностно выполняться им до самой смерти. Псковичи явно не ошиблись, решив на вече посадить князя Довмонта на псковский стол.

Сразу же по своему избранию в псковские князья Довмонт со своей дружиной отправляется воевать с литовцами. Убеждение, что они служат истинному Богу, борясь с закоренелыми язычниками, придает этим псковским неопитам необычайную смелость и решительность. Довмонт наносит поражение литовскому князю Гердену, захватывает среди прочей добычи его жену (тетку своей прежней супруги) и отправляет все в Псков с 2/3 своего войска. Оставшись, как пишет псковская летопись, с «одним девяносто» дружины Довмонт разбивает у переправы через Западную Двину литовский отряд в 700 воинов, который был послан, чтобы разгромить псковские силы и отнять у них добычу.

Успех псковского князя Довмонта в походе на Литву 1266 г. привел новгородцев к мысли совершить на следующий год совместную псковско-новгородскую экспедицию в литовские пределы. Это поход 1267 г. оказался тоже удачным, что подвигло псковичей на более решительные действия и в отношении своих западноевропейских соперников в Прибалтике – датских и немецких рыцарей.

В 1268 г. дружина Довмонта и его «мужи псковичи» решили принять участие в походе новгородского войска под предводительством новгородского князя Дмитрия, сына Александра Невского, против датчан, пытавшихся овладеть частью Эстонии. Помощь новгородцам и псковичам в этой войне оказал и новый великий князь Владимирский – Ярослав Ярославич Тверской, младший брат Александра Невского. После смерти Александра в 1263 г.

он по старшинству получил от хана ярлык на великое княжение Владимирское. В походе участвовали дружины князей Михаила и Святослава, сыновей великого князя Ярослава Ярославича.

В этой войне ливонские рыцари, на владения которых, собственно, и покушались датчане, решили разыграть сложную многоходовую партию. Сначала они выступили союзниками Новгорода и Пскова. Крестоносцы прислали послов в Новгород, а потом новгородским послам в Риге обещали помощь против датчан. Когда же русские полки подошли к датскому владению в Эстонии Раковору (Везенбергу), ливонцы нашли компромисс с датчанами. Немало усилий к примирению католиков перед угрозой нашествия «православных схизматиков» приложила и папская Курия. В итоге под Раковором 18 февраля 1268 г. новгородско-псковское войнство увидело ливонских и датских рыцарей, которые стояли, «как лес дремучий».

По рассказу русских летописцев, разразилась жестокая битва, которой не видели прежде ни отцы, ни деды. Историки соглашались с летописцами. Действительно, Раковорская битва была более грандиозным в военном плане сражением, чем, к примеру, Невская битва 1240 г. или Ледовое побоище 1242 г. Ливонцы оказались на левом фланге против Дмитрия Александровича, Довмонта и Святослава Ярославича. Датчане были на правом фланге против Михаила Ярославича. В центре сражения находился новгородско-псковский отряд, который принял на себя удар острия «кабаньей головы» — «железного полка» рыца-

рей. В центре в ходе битвы погибли новгородский посадник, тысяцкий и 15 новгородских бояр. Однако удар, нанесенный русскими с фланга, решил дело. Сломив сопротивление врага, русские гнали его 7 верст. В отдельных местах битвы павших врагов было так много, сообщают русские летописцы, что преследователи не могли пробиться через их трупы.

Простояв три дня «на костях», т. е. на месте битвы, князь Дмитрий Александрович с новгородскими полками и прочие русские отряды двинулись обратно. Довмонт же с псковичами продолжил наступление и опустошил Ливонию до самого моря. Довмонт отправил в Псков много завоеванной добычи и «великий полон» под охраной большинства своих воинов, сам же опять с небольшой дружиной остался в ливонских пределах и ухитрился напасть на крупный (в 800 воинов) ливонский отряд, который шел взять добычу в польском пограничье. Эта неожиданная и отчаянная атака псковичей опять принесла им удачу.

Раздосадованный магистр Ливонского ордена на следующий, 1269 г. подошел к Пскову. 10 дней длилась его осада, сопровождаемая вылазками псковских воинов во главе с Довмонтом из города. В одном из таких боев князю Довмонту удалось ранить самого магистра. К этому моменту на помощь псковичам подоспели новгородцы. Крестоносцам пришлось начать отступление. Несмотря на численный перевес противника, Довмонт решил преследовать его и в конце концов принудил крестоносцев заключить мир-

⇨ Святой благоверный князь Довмонт Псковский. Троицкий кафедральный собор.

ный договор с Новгородом «по всей новгородской воле».

Вскоре и датчане запросили мира: «кланяемся на всей вашей воле, говорили они, Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте».

Переяславль-залесский и одновременно новгородский князь Дмитрий Александрович оценил мужество и военно-политические таланты Довмонта. После событий 1268 – 1269 г. он выдал свою дочь Марию замуж за псковского князя. Брак в те времена был лучшей формой политического союза. Брак внучки Александра Невского и псковского князя Довмонта всерьез встревожил великого князя Владимирского Ярослава Ярославича Тверского, дядю Дмитрия Александровича.

Как все великие князья Владимирские, Ярослав Тверской стремился усилить великокняжеское влияние на Новгород и ради этого посадить там своего сына. Союз Довмонта и Дмитрия Переяславль-Залесского упрочивал позиции последнего в качестве новгородского князя. Что же касается Господина Великого Новгорода, то он всегда готов был противиться великокняжескому влиянию, поддерживая удельных князей, в данном случае князя Дмитрия. Не имея возможности прогнать Дмитрия из Новгорода, Ярослав Ярославич попытался посадить в «новгородском пригороде» Пскове вместо Довмонта некоего литовского князя Айгуста, но безрезультатно. Псковичи поддержали Довмонта.

Верный своим клятвам Довмонт остался союзником своего тестя

Дмитрия Александровича и после того, как тот получил ярлык на великое княжение Владимирское. После смерти Ярослава Ярославича Тверского в 1272 – 1276 гг. великим князем Владимирским был его младший брат Василий Ярославич Костромской, а после его кончины пришла очередь получать ярлык их племяннику Дмитрию Александровичу Переяславль-Залесскому. Верный оппозиции великокняжеской власти Новгород сделал своим союзником младшего брата Дмитрия – Андрея Александровича Городецкого. Во вражде этих двух сыновей Александра Невского Довмонт поддерживал старшего. В 1282 г. ему с псковичами даже удалось захватить Ладогу, где находилась казна тестя, и отправить эту казну к князю Дмитрию, который стоял в новгородском Копорье. Новгородцы, воевавшие на стороне Андрея Городецкого, осадили Довмонта в Ладоге и вынудили его отступить в Псков.

В ходе всех этих внешних войн и внутренних русских междоусобиц 60-х – 90-х гг. XIII в. Псков обрел независимость от Новгорода, чему не в малой степени способствовали военные победы и умелая дипломатия Довмонта. И что было крайней редкостью для того жестокого и сложного времени, Довмонту как политику совершенно не были свойственны коварство и двусмысленная хитрость, он не ездил на поклон в Золотую Орду и вряд ли сам субъективно считал себя улусником золотоордынских ханов в отличие от князей Низовской Руси.

Псковские летописи, как и летописи других русских земель, подчеркивают, что никого из псковских

князей псковичи не любили так, как князя Довмонта. Заслужил он эту приязнь своей внутренней политикой. Исторические источники подчеркивают справедливость и милость князя Довмонта в судебных делах. Довмонт стал вдохновителем строительства в Пскове мощной крепости – «города Довмонта».

Однако последнее в жизни деяние Довмонта на благо Пскова и «братьев псковичей», которое совершил князь, опять было связано с войной. В 1299 г. ливонские рыцари внезапно подошли к Пскову и осадили его. Новая псковская крепость, «город Довмонта», оказалась неприступной, рыцари не могли ее взять штурмом. Но верный своей наступательной тактике, Довмонт решил не отсиживаться за каменными стенами, а постоянно контратаковать врага. Во главе с Довмонтом псковичи опять одержали победу над рыцарями, и те ретировались. Вскоре после этого старый князь разболелся и умер 20 мая 1299 г. Искренне оплаканный псковичами он был погребен в главном храме города – Троицком соборе. Там же потом в течение 600 лет бережно хранились княжеские одежды Довмонта и его меч, ставший символом Пско-

ва. В советское время меч Довмонта был перенесен в Псковский исторический музей.

Многие реликвии, приписываемые древними сказаниями тем или иным историческим героям, на самом деле не имеют отношения к своим легендарным хозяевам. Так, хранившийся в Псковском Троицком соборе меч внука Владимира Мономаха – новгородского князя Всеволода Мстиславича (первая половина XII в.) при доскональном исследовании оказался двуручным мечом, который изготовили в Италии в XIV в. Уже в силу этого он не мог принадлежать князю Всеволоду. Однако с мечом Довмонта положение совершенно иное. Ученые установили, что этот клинок длиной чуть более метра и весом 2,5 кг был изготовлен австрийским оружейником в XIII столетии. Западноевропейское мечи были распространены в русских землях и часто находились в руках русских князей и их знатных дружинников. И меч, столь бережно хранимый псковичами как оружие их любимого князя, действительно мог принадлежать Довмонту.

*Т. В. Черникова,
доцент МГИМО (У) МИД РФ*

Донской

Дмитрий Иванович

12 октября 1350 – 19 мая 1389

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НА МОСКОВСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Дмитрий Иванович родился 12 октября 1350 г. в Москве от второго брака [1] удельного князя Звенигородского Ивана Красного (годы жизни: 1326 – 1359), второго сына великого князя Московского и Владимирского Ивана I Калиты (годы правления: 1325 – 1340). Мать княжича Дмитрия звали Александрой Ивановной. Больше о ней ничего не известно.

Отец Дмитрия стал великим князем в 1353 г. после смерти от чумы своего старшего брата Симеона Гордого. Прозвание Красный он, очевидно, получил за свою внешность. Летописцы также называли его Кротким и Милостливым, наверное, за особенности характера.

На Руси в то время стояла «великая тишина». После подавления Тверского восстания 1327 г. татаро-московской ратью во главе с Иваном Калитой Тверь утратила бывшее значение, ярлык на великое княжение Владимирское перешел к московскому князю Ивану I Калите. Он был верным улусником золотоордынских ханов и завещал эту роль сыновьям – Симеону и Ивану.

Однако политика услужения московскими князьями Орде имела и положительную сторону, причем не только для возвысившегося Московского княжества, но и для всей Северо-Восточной Руси, находившейся с 1243 г. в зависимости от Золотой Орды. С 1327 по 1367 г. не было ни одной татарской рати на русские земли. Это позволило восстановить хозяйство. Пришло новое поколение русских людей, не видевших ордынского погрома и не боявшихся татар.

Другим достижением деда Дми-

трия Донского являлся переход права сбора ордынского выхода от баскаков к великому князю Владимирскому. Часть дани оседала в московской казне, что благотворно влияло на внутреннее положение московских земель. В столице Иван Калита построил новый дубовый кремль и заложил пер-

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

Князь Московский и великий князь Владимирский, прозванный Донским за победу в битве на Куликовом поле.

Княжение Дмитрия Донского (1359 – 1389) оказалось переломной эпохой не только в истории Московского княжества XIV в., но и в истории всей Руси. Князь Дмитрий Иванович первым из московских правителей начал борьбу за освобождение русских земель от ордынской зависимости, под его руководством была одержана первая крупная победа над ордынским войском 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле.

Причислен к лику святых в 1988 г., в год тысячелетия крещения Руси.

вый каменный успенский собор. Дружба Ивана Калиты с митрополитом Петром усилила церковные позиции Москвы, а преемник Петра грек Феогност вообще перенес резиденцию митрополитов Руси из Владимира в Москву (1328).

Правившие после смерти Калиты Симеон Гордый (1340 – 1353) и Иван II Красный (1353 – 1359) продолжили политику отца. Шел нача-

тый еще при младшим сыне Александра Невского и первом московском князе Данииле (1276 – 1303) процесс расширения территории Московского княжества. В 1301 г. у Рязани отвоевали Коломну, а в 1303 г. у Смоленска – Можайск. По завещанию племянника Ивана Дмитриевича Даниила Московский получил большое Переяславль-Залесское княжество. Иван Калита прикупил некоторые земли у разных русских князей. При Симеоне к Москве в 1351 г. отошел Юрьев-Польский, при Иване II – коstromские и дмитровские земли, а с 1353 г. и Верея постепенно закрепились за Москвой. Попытка великого князя Литовского и Русского Ольгерда захватить Можайск не удалась, хотя Иван II предоставил можайцам право самим отбиваться от Ольгерда или принять его.

Как мы видим, предшественники князя Дмитрия Ивановича на московском престоле сделали неплохой задел. Однако радужной картина жизни и Московского княжества, и всей Руси, да и всех европейских и азиатских стран в середине XIV в. не была. Эпидемия «черной смерти» – чумы поразила все страны Старого Света, кроме Польши, унеся от 30 до 40% населения. На Русь чума приходила дважды. От нее скончались Симеон Гордый со всей своей семьей, от чумы умер 13 ноября 1359 г. в возрасте 33 лет и отец Дмитрия Донского. На момент его кончины в московской княжеской семье осталось 3 мужчины, один младше другого. Сыновьям Ивана II Дмитрию и Ивану (1354 – 1364) было соответственно 9 и 5 лет; от младшего брата Ивана II удельного серпуховского князя Андрея, погибшего тоже от

↑ Дмитрий Донской. Художник С. Кириллов.

чумы в 1354 г., остался 5-летний сын Владимир. Как старший по родовому счету и по возрасту, Дмитрий Иванович занял московский престол.

Великокняжеский владимирский стол маленький князь Дмитрий Московский утерял. В Золотой Орде не было практики выдавать ярлыки на великое княжение вассалам-детям. Ярлык ушел в Суздальско-Нижегородское княжество.

Иван II, умирая, оставил сына-наследника и его княжество на попечении московских бояр и митрополита Алексея (в миру Елевферий), близкого московской княжеской семье. Отец Алексея, крупный черниговский боярин Федор Бяконт, перешел с 2 тыс. своими людьми на службу в Москву еще в конце XIII в. Крестным отцом будущего

митрополита стал княжич Иван, будущий великий князь Иван Калита. Елевферий рано принял монашество. Природный ум и близость к Ивану Калите и митрополиту Феогносту позволили ему сделать блестящую духовную карьеру. В 1354 г. константинопольский патриарх утвердил Алексея митрополитом всея Руси. Уже при Иване II митрополит Алексей был, по сути, главой московского правительства, а при малолетнем Дмитрие уже официально возглавил его как опекун московского князя.

РУСЬ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В ГОДЫ ДЕТСТВА ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Пик могущества Золотой Орды XIV в. пришелся на правление хана Узбека. Мусульманин Узбек, став золотоордынским правителем, решил порвать со старинной монгольской политеистической традицией веротерпимости. В 1314 г. он объявил ислам государственной религией Золотой Орды и стал жестоко бороться с теми своими подданными, которые пытались продолжить исповедывать старые культы своих отцов. Многие мурзы даже бежали от религиозных преследований на Русь, где постепенно приняли православие, войдя в среду русской аристократии. Впрочем, хан Узбек не запрещал вассальной от Золотой Орды части Руси держаться православия. Он подтвердил и даже расширил привилегии русской православной церкви, по преданию, в знак благодарности митрополиту Алексею, который сумел

излечить ханскую жену Тайдулу от слепоты.

После смерти Узбека в 1341 г. престол занял его старший сын Тинибек (1341 – 1342), которого вскоре сверг его брат Джанибек, убив вместе с еще одним своим братом и конкурентом Хирзой. Однако и сам хан Джанибек через 14 лет пал жертвой заговора от рук соб-

⇒ Московский Кремль при Дмитрие Донском.
Художник А. Васнецов.

ственного сына Бердибека, который поспешил уничтожить также 12 своих братьев. Все эти перевороты, сопровождаемые насильственной смертью золотоордынских ханов, свидетельствовали о постепенном ослаблении центральной власти в Золотой Орде.

И действительно, вскоре она погрузилась в 25-летний хаос, на-

званный русскими летописями «великой ордынской замятней». Хана Бердибека (1357 – 1359) в августе 1359 г. уничтожил некий Кульпа. Сам Кульпа утверждал, что он сын хана Джанибека и брат Бердибека, но большинство источников называют его самозванцем. Кульпа удержался на престоле с 1359 по 1360 гг., а вообще в период с 1359 по 1380 гг.

на золотоордынском троне побывали 25 правителей из разных ветвей Чингизидов (потомков старшего сына Чингисхана хана Джучи, отца Батыя). Со смертью Бердибека династия Батуидов (потомков Батыя) в Сарае прервалась, на престол охотились отпрыски младших братьев Батыя, особенно потомки Минг-Тимура.

Золотая Орда фактически распалась на отдельные автономные улусы. В ее западной части Дунайской (Крымской или Причерноморской) Орде в качестве регента при слабых правителях Батуидах (сначала ханом был Абдуллах, после его смерти в 1370 г. на престол взошел 8-летний Мухаммед-Булак) укрепился темник Мамай. Он являлся внуком Исатая, близкого к хану Узбеку эмира, и был женат на дочери убитого хана Бердибека. При Бердибеке Мамай занимал одну из высших золотоордынских должностей. Он был беклярбеком, к ведению которого относилось руководство армией, внешняя политика и верховный суд. Мамай сразу объявил Кульпу узурпатором и самозванцем. Беклярбек хотел видеть на золотоордынском престоле в Сарае Абдуллаха, но это не встретило единодушия среди влиятельных царевичей, эмиров и мурз. Последующая 11-летняя (1359 – 1370) война Мамай за права его ставленника увенчалась лишь тактическими успехами. Единство Золотой Орды Мамай не восстановил, хотя на время установил свой контроль над Белой Ордой (правобережье Волги), а в 1363, 1367 – 1368, 1372 – 1373 гг. захватывал золотоордынскую столицу город Сарай. Ставка самого Мамай и его

ханов находилась в низовьях Днепра у города Укек. Сейчас это место затоплено Каховским водохранилищем.

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЦЕНТРЫ СОБИРАНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В СЕРЕДИНЕ XIII – СЕРЕДИНЕ XIV ВВ.

Батыево нашествие на Русь 1237 – 1241 гг. имело огромные последствия для русской истории. Нашествие углубило и, как показали последующие столетия, сделало необратимым раскол древнерусского пространства на три самостоятельные части: независимую от Батыя Западную (Белую) Русь и попавшие под вассалитет от государства Батыя, Золотой Орды, Южную Русь и Северо-Восточную Русь с северо-западными Новгородом и Псковом. Однако процесс формирования самостоятельных этносов на названных территориях шел долго: с конца XIII по XVII вв. Он и не был до конца завершен даже в XVIII – начале XX столетия.

С середины XIII в. главной национальной задачей для всех земель, ранее составлявших единое древнерусское пространство, стала борьба с ордынским игом или возможным распространением его на не завоеванные в свое время Батыем земли. Неудачный опыт локальных восстаний в Северо-Восточной Руси в 1252 и в 1263 гг., как и неудачная в стратегическом плане борьба галицко-волинских князей против ордынской зависимости, свидетельствовали, что покончить с игом «сарайских царей» можно, только объединив усилия всех княжеств, одновременно до-

ждавшись ослабления самой Золотой Орды.

История выдвинула две альтернативы в деле объединения Руси. Одной стала консолидация русских земель в рамках Великого княжества Литовского и Русского. Эта страна возникла в середине – конце XIII вв. как союз литовских и западнорусских земель в ответ на агрессию крестоносцев и претензии золотоордынцев. При Гедимине и его сыне Ольгерде в составе литовско-русского государства оказались 8 из 12 независимых земель, на которые после 1132 г. распалась Киевская Русь.

Крупнейшим геополитическим событием середины XIV в. явилась Битва у Синих Вод. Воспользовавшись «великой замятней» в Орде, великий князь Литовский и Русский Ольгерд 25 декабря 1362 г. разгромил золотоордынских ханов, контролирующих Южную Русь, и присоединил южнорусские княжества к своему государству. Так пало ордынское иго на будущей Украине. Южнорусские и западнорусские княжества составили большую часть территории и населения Великого княжества Литовского и Русского. Летописание княжества шло на русском языке, а суд вершился по «Русской Правде». Само княжество представляло собой федерацию земель, где власть великого князя в значительной степени была ограничена необходимостью учитывать интересы местных князей и городов Литвы и западно- и южно-русских областей, русско-литовской аристократии и дружины.

Гедиминовичи стремились распространить свой успех в деле кон-

солидации русских земель на северо-восточные русские княжества и Новгород с Псковом. Однако здесь они встретили не только противодействие Золотой Орды, но и сопротивление самого северо-Восточного и северо-западного русского пространства.

Сначала Тверь, а потом Москва стали здешними собирателями земель. Оба княжества тяготели к унитарности и росту центральной княжеской власти. Это была совершенно другая в сравнении с литовско-русским княжеством модель государственности. Отличия между Тверью и Москвой в первой половине XIV в. состояло в особенностях внешнеполитической ориентации. Тверские князья часто входили в династические браки с Гедиминовичами, что потенциально могло привести (но на деле не привело) к возникновению литовско-тверского союза против Орды. Первые московские князья ориентировались на поддержку золотоордынских царей. Московские князья всегда отставали на одно поколение от тверских, и это в силу древнерусского очередного порядка престолонаследия лишало их права на владимирский великокняжеский стол. Однако в условиях ига выше всех древнерусских правовых норм стояла воля хана. Он мог любому выдать ярлык на великое или удельное княжение. Пролитовские связи тверских князей заставили Золотую Орду благосклонно смотреть на московских правителей, а те, воспользовавшись помощью Орды, победили Тверь. Москва постепенно стала более сильным

центром в деле объединения вокруг себя северорусских земель.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ И КНЯЗЬ ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ В БОРЬБЕ ЗА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ ЯРЛЫК

Успехи предшественников и ослабление Золотой Орды открыло перед молодым московским князем Дмитрием Ивановичем перспективы нового военно-политического курса. Он первым из московских князей превратился из «верного улусника», наращивающего свой удел, в борца за национальные интересы всей Руси, которые требовали свержения ига. Князь Дмитрий не упустил такой возможности, и именно за это великий российский историк В. О. Ключевский дал ему оценку как выдающемуся государственному деятелю, в противовес предшественникам, которые представлялись историку прагматичными удельными хищниками.

Мы уже говорили, что, вступив на московский престол, 9-летний князь Дмитрий утратил ярлык на великое княжение Владимирское. Возвращение ярлыка стало одной из главных задач московского боярского правительства и митрополита Алексея.

В январе 1360 г. хан Кульпа с двумя сыновьями был убит Науруз-ханом, который тоже объявлял себя сыном хана Джанибека. Науруз-хан выдал ярлык на великое княжение Владимирское великому суздальско-нижегородскому князю Андрею Константиновичу, а тот передал его своему брату и наследнику Дмитрию Константиновичу. В свое

⇒ Дмитрий Донской. Художник Ю. Ракша.

время ярлыка на великое княжение Владимирское добивался еще отец Андрея и Дмитрия суздальско-нижегородский князь Константин Васильевич, но золотоордынский хан Джанибек послал ярлык Ивану II Московскому. 22 июня 1360 г. Дмитрий Константинович въехал во Владимир.

Но пробыл он великим князем Владимирским недолго. В 1362 г. очередной сарайский правитель хан Мюридрешил передать ярлык 12-летнему князю Московскому. В это время митрополит Алексей вместе с Дмитрием отправились к наиболее сильному ордынскому правителю: в Причерноморскую Орду к Мамаю, и тот выдал от имени своего ставленника хана Абдуллаха князю Дмитрию ярлык на великое княжение Владимирское (1363). Тогда же договорились с Мамаем о снижении размера дани, которую земли Владимирского княжения должны платить Орде. Узнав про это, хан Мюрид опять дал ярлык Дмитрию Константиновичу. Однако московское войско заставило Дмитрия Константиновича, суздальско-нижегородского князя, покинуть номинальную столицу Северо-Восточной Руси.

Дмитрий Константинович не собирался сдаваться. Однако со времен Ивана Калиты владимирским ярлыком владели московские князья, и на Руси постепенно стали смотреть на них, как на законных обладателей владимирского великокняжеского стола. Даже младший брат Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского Борис, видя приготовления «брата старей-

шего» к войне с Москвой, говорил, что он зря это затеял и ярлыка «не удержать». Кроме военных стычек

между Москвой и Суздалем шла дипломатическая борьба. Сын Дмитрия Константиновича Василий по-

ехал в 1364 г. в Орду к новому хану Азизу, желая выторговать ярлык для отца. Но московская дипломатия не дремала, и в итоге ярлык остался за Москвой.

Не случилось и большой войны между Москвой и Суздалем. Пока Дмитрий Константинович грезил о великом княжении Владимирском, его младший брат Борис чуть не увел у него великокняжеский суздальско-нижегородский стол. 2 июня 1365 г. умер старший Константин – Андрей, городецкий удельный князь Борис въехал в Нижний Новгород и «не в очередь» объявил себя великим князем. Дмитрий Константинович был вынужден обратиться за помощью ко вчерашнему сопернику Дмитрию Московскому. Когда же ему в 1366 г. опять привезли из Орды ярлык на великое княжение Владимирское, он отказался от него в пользу Дмитрия Московского и признавал 15-летнего великого князя Московского и Владимирского «братом старейшим». Военно-политический союз двух Дмитриев был оформлен браком московского князя Дмитрия с дочерью Дмитрия Константиновича Евдокией. Свадьба состоялась 18 января 1366 г. Сыграли ее в Коломне, т.к. Москва полностью выгорела от очередного пожара. Не устоял даже дубовый кремль Ивана Калиты, стены которого были обмазаны глиной и побелены известью.

Вскоре московская рать во главе с Дмитрием Ивановичем выступила к Нижнему Новгороду. Тамашние бояре не решились воевать за Бориса, и все кончилось миром. Суздальско-нижегородский великокняжеский престол отошел закон-

ному наследнику Дмитрию Константиновичу.

Однако не только свадьбой и борьбой за права тестя занимался в то время юный князь Дмитрий Иванович. Он затеял в Москве грандиозное строительство. В зиму 1367 г. «князь великий Дмитрий Иванович, – сообщает Рогожская летопись, – погадав с братом своим Володимиром Андреевичем и со всеми боярами старейшими, и задумал ставить город каменный Москву, да что умыслил, то и сотворил» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 83. Перевод на современный русский язык автора). Известняковые камни для строительства кремля возили на санях по руслу замерзшей реки Москвы, а весной сплавляли на плотках из Мячковских каменоломен, которые находились недалеко от Москвы.

Достоверно неизвестно, каким был новый Московский Кремль. Одни историки полагают, что каменными были только башни, а стены были деревянные и только обложенные известняковыми блоками. Другие историки настаивают, что стены тоже были каменные, и их строительство не завершилось в 1367 г., а продолжалось постепенно почти все княжение Дмитрия Ивановича. В доказательство своего предположения, эти исследователи приводят летописное сообщение о том, что воины Тохтамыша во время осады Москвы в 1382 г. москвичей «...с стен збиша..., еще бо граду тогда ниску сущу» (т. е. стены были не достроены и низки). Археология мало что может подсказать для решения этого спора историков, потому что при Иване III в конце XV в. кремль Дмитрия Донского был полностью разо-

бран при возведении итальянскими мастерами новой кирпичной крепости.

Так или иначе, но к концу 1360-х гг. белокаменный московский кремль оказался самой мощной крепостью Северо-Восточной Руси и первой ее каменной цитаделью. Прежде каменные детинцы имели только Новгород и Псков на северо-западе Руси.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ И КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ В БОРЬБЕ ЗА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ ЯРЛЫК

Каменный кремль очень пригодился москвичам. 17-летний Дмитрий стал проявлять себя как решительный и самостоятельный князь. Сначала, как мы видели, он сумел не только отстоять свои права на Владимирское княжение (т. е. стать официально старшим среди прочих северо-восточных князей), но и разрешить спор суздальско-нижегородских князей. В 1367 г. Дмитрий не побоялся вмешаться в распрю тверских князей.

Удельный микулинский князь Михаил Александрович согнал с великокняжеского тверского стола своего дядю, кашинского князя Василия Михайловича. Дмитрий Московский решил восстановить «справедливость». Василий Кашинский был союзником Москвы, что было закреплено в 1349 г. его браком с Василисой, дочерью московского князя Симеона Гордого. Москвичи поддерживали Василия Кашинского еще во время прежней уособицы в Твери, когда тверской великокняжеский престол оспаривал у него его племянник (и старший брат Михаила Александровича) Всево-

лод Александрович Холмский. Михаил Александрович Тверской, сын и брат казненных в Орде из-за спора с Москвой великих князей Тверских и Владимирских, желал вернуть себе великокняжеский тверской стол. А после (как и случилось) он мог подумать о ярлыке и на великое княжение Владимирское. Помощь ему, как в свое время и Всеволоду Александровичу Холмскому, готов был оказать могущественный великий князь Литовский и Русский Ольгерд. Последний был женат вторым браком (1350) на сестре князя Михаила – Ульяне [2].

В 1367 г. началась Московско-Тверская война, которая длилась до 1375 г. Сначала в 1367 г. Василий Кашинский с московскими войсками повоевал Тверскую область, а Михаил Александрович бежал в Литву к Ольгерду. Вскоре в 1368 г. митрополит Алексей назвал Михаила Александровича Тверского в Москву на третейский суд, однако в Москве тверского князя фактически арестовали. Только приезд на Русь трех знатных ордынцев заставил москвичей отпустить Михаила Тверского на свободу, заставив отказаться от части его земель. Раздосадованный Михаил опять поехал к Ольгерду.

В том же году Ольгерд вторгся в московские владения. В Москве успели выслать навстречу ему сторожевой полк во главе с боярином Дмитрием Мининым, а князь Дмитрий Иванович с братом Владимиром Серпуховским и митрополитом Алексеем стали готовить свою столицу к осаде. Окрестные села сожгли. Их население со скарбом переместили за московские крепостные стены. Средневековые войны в Ев-

⇨ Дмитрий Донской на памятнике 1000-летию России. Великий Новгород.

ропе велись не столько битвами противников. Это была лишь верхушка тогдашнего военного айсберга. Главное, что делали полководцы, – это врывались на чужую территорию и начинали ее «пустошить»: захватывать в плен людей, забирать имущество и скот. Все это увозил к себе победитель, а постройки и урожай врага сжигались. Так действовали и русские князья в роли военачальников, когда воевали друг с другом или с внешним противником. Подрыв экономического потенциала противника являлся основным шансом на успех.

21 ноября 1368 г. Ольгерд разбил московский сторожевой полк у реки Тростны. У пленников он выведал, что великий князь Дмитрий в Москве, и, «пустоша» округу, рванулся к Москве. Осада длилась 3 дня и 3 ночи, но взять с ходу новую каменную крепость литовско-русский правитель не смог. Впервые за 40 лет Московское княжество было опустошено так, что московские летописцы сравнили нашествие Ольгерда («литовщину») с Батыевым походом.

Интересно, что западнорусские летописи, рассказывая о походе своего князя, сообщали, что «Русь ходила на Москву и победила». Полки Ольгерда состояли в основном из западнорусских воинов. Вообще, как великий князь Литовский и Русский, Ольгерд преимущественно занимался русскими делами, а его брат и фактический соправитель Кейстут Гедиминович управлял литовскими владениями и бился с крестоносцами за Жмудь, которая то была у Лит-

вы, то захватывалась Ливонским орденом.

По итогам «литовщины» москвичи вынуждены были вернуть Михаилу Тверскому Городок и прочие отторгнутые у него земли. Однако Дмитрий Московский не собирался сдаваться. В 1369 г. он обрушился на Смоленское княжество, союзника Ольгерда по походу на Москву 1368 г. Москвичи опустошили Смоленские волости и двинулись разорять Брянские земли, владения Великого княжества Литовского и Русского. В 1370 г. возобновилась и война с Михаилом Тверским. Михаил бежал в Вильну, а Дмитрий Московский во главе сильного войска пожег тверские города Зубцов и Микулин и множество сел вокруг их. С великим полоном московские полки ушли к себе.

Ольгерд, занятый войной с крестоносцами, смог ответить на удар Дмитрия Московского лишь в конце 1370 г. Состоялась вторая «литовщина». Ольгерд вел полки своих сыновей и братьев, а также с ним выступили войска великого князя Тверского Михаила и великого князя Смоленского Святослава. Поход не был неожиданным для москвичей. Князь Дмитрий хорошо подготовил пограничный город Волоколамск к отражению атаки.

В 1370 г. под Волоколамском произошло двухдневное сражение. С московской стороны им руководил князь Василий Иванович Березуйский, который погиб от раны, полученной в ходе боя. Князь Василий находился на мосту, когда вражеский воин, оказавшийся под мостом, пронзил его снизу копьем. Не сумев взять Волоколамск, Ольгерд дви-

нулся к Москве. В декабре 1370 г. его полки появились около столицы князя Дмитрия. Новая осада Москвы Ольгердом длилась 8 дней и тоже не принесла ему успеха. Обороной Москвы руководил на этот раз один 19-летний великий московский и владимирский князь Дмитрий. Митрополит Алексей поехал за помощью в Нижний Новгород, а 15-летний князь Владимир Серпуховской успел съездить к великому князю Рязанскому Олегу и привести от него на подмогу рязанские и пронские полки. Владимир занял городок Перемышль и готовился нанести удар во фланг армии Ольгерда.

Неудача под Москвой и угроза долгой войны в зимнее время с москвичами и их союзниками заставила Ольгерда пойти на переговоры. Ольгерд и Дмитрий договорились о перемирии «до Петрова дня». Также, по некоторым источникам, шла речь о возможном в будущем браке двоюродного брата Дмитрия Московского князя Владимира Андреевича Серпуховского с Еленой, дочерью Ольгерда и соответственно племянницей тверского князя Михаила Александровича. Брак состоялся летом 1371 г. и был устроен митрополитом Алексеем в то время, когда Дмитрий Московский находился в Орде. По другим источникам, этот брак состоялся в 1372 г. и венчал собой очередное замирение Ольгерда и московских князей. Покидая московские земли в 1370 г., Ольгерд, по сообщению летописцев, шел «с опасением», «боясь погони».

В ходе войны с Михаилом Тверским у Дмитрия Московского осложнились отношения с ордынцами, включая прежнего к нему доброхота

темника Мамай. Московский князь оказался совсем не тем улусником, на которого рассчитывал Мамай, давая в свое время ему ярлык на великое княжение. В 1370 г. Мамай решил передать ярлык на великое княжение Владимирское великому князю Тверскому Михаилу Александровичу. В 1371 г. князь Михаил съездил в Орду за ярлыком и два года (1371 – 1372) провел в военных походах против Дмитрия Московского. Он опустошил Костромскую волость, взял Мологу, Углич и Бежецк. Вместе с Кейстутом Гедиминовичем и Андреем Ольгердовичем пытался захватить Переяславль-Залесский. «Взял град Дмитров, а посад и села пожже, а бояр многое множество и людей с женами и детьми сведе в Тферь», – повествует «нейтральная», составленная на русском Севере летопись Авраамки. Желая поставить под свой контроль Новгород Великий Михаил Александрович занял Торжок.

Однако все эти дела тверского князя не переломили ход событий в его пользу. Еще в 1371 г. владимирцы не пустили князя Михаила с его ярлыком в город, а московский князь Дмитрий отказался ему присягать. Ордынский посол, который ехал с Михаилом, чтобы ввести его в великое княжение Владимирское отбыл в Москву, где через него выкупили из Орды тверского заложника княжича Ивана, сына Михаила Тверского. За княжича Дмитрий Московский заплатил сумму, превышающую годовой выход со всех княжеств великого княжения Владимирского. Теперь Иван Михайлович стал заложником в Москве. На стороне Михаила Тверского опять выступил

Ольгерд, а навстречу ему вышел Владимир Серпуховской. Но воевать они не стали. Под Любутском между Великим княжеством Литовским и Русским с одной стороны и великим княжеством Московским с другой был наконец заключен мир (1372).

Теперь Михаилу Тверскому надо было рассчитывать только на свои силы. Между тем Дмитрий Московский сумел собрать вокруг себя коалицию всех князей Северо-Восточной Руси, а к тому же вернул себе ярлык на великое княжение Владимирское. Великий князь Московский Дмитрий Иванович в 1371 г. с дарами съездил к Мамаю, и тот от имени нового хана 9-летнего Мухаммада-Булака дал ему ярлык на великое княжение Владимирское. Однако князь Дмитрий Иванович не торопился собирать для Мамаевой Орды дань или помогать Мухаммад-Булаку бороться с другими Чингизидами за сарайский престол. Кстати, перестал возить в Сарай ордынский выход и великий князь Рязанский Олег Иванович. (Рязанское княжество не входило в великое княжение Владимирское, а великие владимирские князья не являлись «братьями старейшими», т. е. сеньорами для рязанских князей). В 1374 г. отношения Мамаю и Дмитрия Московского окончательно испортились.

В это время рано возмужавший князь Дмитрий Иванович уже не нуждался в боярской опеке. Конечно, это не всем нравилось в Москве. В 1374 г. из Москвы в Тверь бежали два знатных боярина – Некомат Сурожанин и Иван Васильевич Вельяминов (сын последнего московского тысяцкого, нового ты-

сяцкого князь Дмитрий решил не назначать). С появлением московских перебежчиков в Твери Михаил Александрович Тверской начал новую кампанию против Дмитрия Московского. Тверской князь опять получил ярлык на великое княжение Владимирское (1374) и напал на Торжок и Углич. Однако почти все князья великого княжения Владимирского и даже великий князь Смоленский Святослав на этот раз выступили на стороне Москвы.

Ханский ярлык тверского князя на фоне продолжавшейся в Орде «великой замятни» мало что уже значил. В московской волости – Переяславле-Залесском в 1374 г. произошел съезд князей, которые ратовали, как предполагает ряд историков, за совместную борьбу против Орды. В Переяславль приехали не только князья подконтрольной Орде Северо-Восточной Руси, но и князья из Великого княжества Литовского и Русского. После съезда тесть Дмитрия Московского суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович велел своему сыну Василию Кирдяпе уничтожить ордынского посла Сарайку и его отряд, находившийся в Нижнем Новгороде, что и было сделано. А в 1375 г. новгородские ушкуйники на 70 лодках совершили набег на Булгар и Сарай. Булгар откупился от них данью, а столица Золотой Орды была взята и разграблена.

Нападение Михаила на Торжок и Углич вызвало ответный поход коалиции во главе с Дмитрием Московским на Тверь. Ольгерд на сей раз не вступил в прямой конфликт с Москвой, а лишь пожег смоленское пограничье в отместку Святославу

↑ Утро на Куликовом поле. Художник А. Бубнов.

Смоленскому за отход от смоленско-тверского союза.

В 1375 г. Михаил Тверской вынужден был признать ярлык на великое княжение Владимирское «вотчиной» московских князей (т. е. наследственным для московских князей), князя Дмитрия Ивановича он признавал «братом старейшим» (т. е. становился его вассалом) и обещал, «если переменить Бог Орду» и случится Дмитрию Московскому с ней воевать, тоже воевать с ордынцами. Этот пункт княжеского докончания (договора) содержал первое в истории указание на намерение Москвы прекратить быть «верным улусником ханов» и возглавить борьбу русских княжеств за освобождение от ордынского ига. Интересно, что третейским судьей в 1375 г. в споре Михаила Тверского и Дмитрия Московского выступил великий князь Рязанский Олег Иванович.

НАЧАЛО ВОЙНЫ С ОРДОЙ. БИТВЫ НА ПЬЯНЕ И НА ВОЖЕ

В 1377 г. царевич Арапша (хан Араб-шах из Синей Заяицкой Орды[3]) готовился к набегу на нижегородские земли. Некоторые источники сообщают, что Арапша с 1376 г. служил Мамаю, по другим – он был враждебен Мамаю. Сведения о готовящемся набеге ордынцев просочились на Русь. Навстречу Арапше вышло объединенное войско из нижегородцев, владимирцев, москвичей, муромцев, ярославцев, рязанцев. Арапша не появлялся. Воины сняли доспехи, забавлялись охотой

и пировали. Русский лагерь находился на левом берегу реки Пьяны в 100 верстах от Нижнего Новгорода. Арапша не появлялся. Князь Дмитрий Московский решил, что его набег не состоится, и увел свои войска восояси. Между тем мордовские князьки тайно подвели ордынский отряд к русскому лагерю. 2 августа 1377 г. татары неожиданно атаковали московских союзников и нанесли им страшное поражение. «Повесть о побоище на реке Пьяне», один из главных источников об этом событии, приписывает разгром русских полков не людям Арапши, а татарам из Мамаевой Орды.

В «Повести о побоище на реке Пьяне» читаем:

И ту убиша князя Семена Михайловичя и множество бояръ. Князь же Иван Дмитриевич прибъгоша в оторопь к рѣць ко Пьянь, гоним напрасно, и вержеса на конь в рѣку и ту утопе, и с ним истопоша в рѣць множество бояръ и слугъ и народа безчислено. Сиа же злоба съдѣся мѣсяца августа въ 2 день, на память святаго мученика Стефана, в недѣлю, въ 6 час дне от полудне.

Татарове же одолѣвши христианом, и сташа на костех, полонѣ весь и грабеж оставиша ту, а сами поидоша к Новугороду к Нижнему изгоном, без вести. Князю же Дмитрею Костянтиновичю не бысть силы стати противу ихъ на бой, но побѣжа в Суждаль. А люди горожане новгородстии разбѣжашася в судѣх по Волзѣ к Городцу. (Отрывок «Повести...») публикуется по списку Симеоновской летописи первой половины XVI в. БАН, 16.8.25. Отдельные исправления ошибочных написаний сделаны по Рогожскому летописцу.

РГБ, ф. 247 – собрание Рогожского кладбища, № 253.)

5 августа татары ворвались в Нижний Новгород, оставшийся без защиты, и грабили его 2 дня. Пострадали и другие города, не говоря уже о селах.

Ослабевшее нижегородское пограничье пытались атаковать мордовские вожди. Однако их набеги были пресечены князем Борисом Константиновичем Городецким, который зимой 1377 г. совместно с племянником Семеном Дмитриевичем (братом жены Дмитрия Московского) и московским полком под руководством воеводы Свибла напали на мордовскую землю и «положили ее пусту».

На следующий, 1378 г. Мамай отправил на Русь новое войско под командованием мурзы Бегича. Московские и пронские (из рязанской земли) полки вышли навстречу врагу. По одной из версий, союзником Москвы был и Андрей Ольгердович, князь Полоцкий. Князь Дмитрий Иванович сумел хорошо организовать разведку планов противника, и русские перекрыли брод через приток Оки реку Вожу. Здесь собирались переправляться ордынцы. Русские заняли хорошую позицию на холме. Бегич долго не решался переходить Вожу.

Тогда Дмитрий Московский приказал отступить от реки, завлекая неприятеля. Русские полки построились дугой. Великий князь стоял в центре, а на флангах командовали московский окольный Тимофей Вельяминов и князь Даниил Пронский (или Андрей Ольгердович). Историк А. Н. Кирпичников, известный специалист по эпохе Дмитрия

Донского, считал, что фланги русского войска находились в засаде в близлежащих оврагах, и татары их не видели. Бегич неправильно представлял себе численность противника и его диспозицию. 11 августа 1378 г. конница Бегича атаковала центр, но ее как клещами стали сдавливать русские фланги. Татары побежали. Многие из них утонули, переправляясь через реку. Погиб Бегич и еще несколько мурз. Русская летопись сообщает: «Вот имена убитых князей их: Хазибей, Коверга, Карабулук, Костров, Бегичка... А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары как побежали вечером, так и продолжали бежать всю ночь. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали...»

Поражение и гибель Бегича в битве на Воже сильно подорвали авторитет Мамай. Темнику необходим был реванш. Теневой правитель Причерноморской Орды привык к власти и не хотел ее терять, а между тем один из ханов Заяикской Орды Тохтамыш, ставленник могучего среднеазиатского эмира Тимура[4], уже начал собирать ордынские улусы в свой кулак. В тот же год осенью Мамай опустошил Рязанское княжество и захватил его столицу Переяславль-Рязанский. Великий князь Рязанский Олег Иванович, чтобы сохранить дружину, не стал оборонять город. Он ушел на север своих владений. Однако такая победа над рязанцами не могла восста-

новить авторитет Мамае. Ему нужно было разгромить действительно большие русские силы, что давало шанс устоять в борьбе с Чингизидом Тохтамышем за влияние в Золотой Орде.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Близилось решающее столкновение с Мамаем и главное событие в жизни великого князя Дмитрия Ивановича, благодаря которому он станет великим героем русской истории.

Осенью 1380 г. Мамай повел на Русь 150-тысячное войско. В Кафе, генуэзской колонии в Крыму, Мамай нанял отряд закованной в латы западноевропейской пехоты. Темник заручился также союзом с великим литовским князем Ягайло Ольгердовичем и рязанским князем Олегом. Это были ненадежные союзники.

Ягайло, занявший великокняжеский престол после смерти Ольгерда (1377), выжидал, желая знать победителя, и не спешил на соединение с Мамаем. Его старшие братья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский со своими полками шли на Мамае вместе с Дмитрием Московским. Андрей Полоцкий был старшим сыном Ольгерда от первого брака с княжной витебской Марией Ярославной из династии Рюриковичей. Дмитрий Брянский являлся его родным младшим братом. От Дмитрия Ольгердовича вели свой род русские аристократы князья Трубецкие.

Великий князь Рязанский Олег был вынужденным союзником Мамае. После битвы на Пьяне его земля была опустошена татарской ратью в 1378 – 1379 гг. В 1380 г.

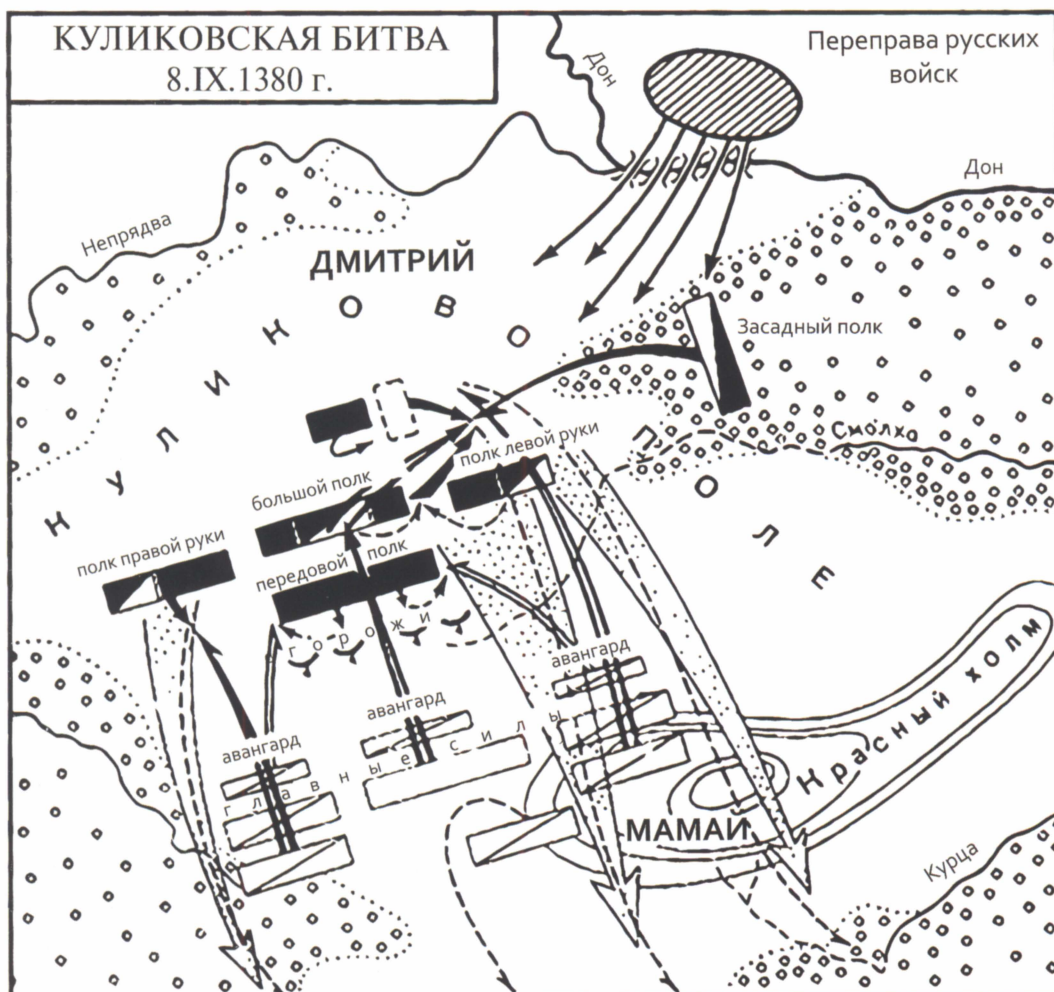
⇒ Схема Куликовской битвы 8 сентября 1380 г.

Олег указал татарам броды на Оке, а Дмитрию Московскому послал весть об ордынском продвижении. Сам Олег «не успел» прийти на соединение с Мамаем, хотя Куликовская битва состоялась именно в его владениях.

Навстречу ордынцам вышло объединенное русское войско, состоящее из полков и отрядов различных русских земель. Местом сбора была назначена Коломна, принадлежащая Москве с начала XIV в. В одном из летописных сообщений о Куликовской битве говорилось, что с князем Дмитрием выступило 100 тыс. воинов из Московского княжества и 50 тыс. из других русских земель. «Сказание о Мамаевом побоище» свидетельствует о более чем 200 тыс. русских сил. Никонская летопись называет цифру в 400 тыс. воинов. Эти же источники оценивают численность противника от 100 до 300 тыс. воинов. Н. М. Карамзин верил этим данным. В 100 – 150 тыс. человек и примерно столько же воинов Мамае оценивает силы сторон в Куликовской битве Большая советская энциклопедия (статья В. И. Буганова «Куликовская битва», БСЭ. М., 1969 – 1978). Однако еще предшественник Н. М. Карамзина историк XVIII в. В. Н. Татищев засомневался в таком большом числе бойцов. Он писал о 60 тыс. Историк XX века С. Б. Веселовский в последних своих исследованиях склонялся к мысли, что в Куликовской битве сражалось 5 – 6 тыс. русских и примерно столько же татар. Большинство современных ученых дает разброс оценок от 10 до

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА 8.IX.1380 г.

Бой русского переднего полка с авангардом татар

Фронтальный удар главных сил татар и прорыв левого фланга русских войск

Перемещение резерва русских войск для прикрытия левого фланга и тыла большого полка

Внезапный удар засадного полка и разгром татар

Преследование татар русскими войсками

100 тыс. участников сражения с обеих сторон.

Но в массовом русском историческом сознании укрепилось представление о грандиозности битвы у Дона в 1380 г. Никогда еще Русь не выводила на брань такого числа воинов. Шли к Дону дружинники и ополченцы из многих русских земель. Правда, не было среди них тверских, рязанских и нижегородских полков, хотя не исключено, что отдельные жители этих земель в битве на Куликовом поле участвовали. Так, хотя Михаил Александрович Тверской не прислал своего войска, как требовал московско-тверской договор 1375 г., но кашинские и холмские отряды из Тверского княжества были в объединенном русском войске. А автором поэмы о Куликовской битве «Задонщины» был, вероятнее всего, в прошлом брянский боярин, а потом рязанский священник Сафоний, непосредственный очевидец сражения.

Дмитрия Московского и его двоюродного брата Владимира Серпуховского благословил на бой с татарами русский монах-подвижник, основатель Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Его устами русская церковь впервые с момента установления зависимости русских земель от золотоордынских ханов одобрила открытую борьбу с ними. Наверное, поэтому так почитаема на Руси память св. Сергия. Два инока Троицкого монастыря – в прошлом бояре из Великого княжества Литовского и Русского – Пересвет и Ослябя отправлялись вместе с русским войском навстречу ордынцам. Благословение Сергия было очень важно для князя

Дмитрия Московского. У него был конфликт с новым русским митрополитом Киприаном. Князь выгнал митрополита из Москвы, а митрополит наложил на Дмитрия анафему (проклятие).

Кровопролитное сражение случилось 8 сентября 1380 г.[5] Помимо Дмитрия Московского план будущего сражения разрабатывали все князья и воеводы. По совету литовских князей перед битвой сожгли мосты через Дон, дабы ни у кого не было соблазна бегством спастись с поля боя. Очевидно, непосредственно битвой (по крайней мере в решающей ее завершающей стадии) руководили двоюродный брат Дмитрия Ивановича Московского Владимир Андреевич Серпуховской и воевода Дмитрий Боброк-Волынский. Он перешел из Великого княжества Литовского и Русского на московскую службу в 1360-х гг. Некоторые летописи называют его князем. За Боброка Дмитрий Московский выдал свою сестру Анну.

Русские полки построились традиционным для себя строем – орлом. Но при этом оставили в засаде в дубраве около трети войска. Это был неожиданно большой резерв. Им командовали Владимир Серпуховской и Боброк-Волынский. В центре стоял большой полк, состоявший в основном из московских людей. Им командовал московский воевода Тимофей Вельяминов. Перед ним под предводительством князей Симеона Оболенского и Ивана Тарусского располагался передовой полк, а еще далее «сторожа» (разведчики) Семена Мелика. Полком правой руки состоявшем преимущественно из тяжеловооруженной пехоты

брянской, полоцкой и прочих западнорусских земель командовал Андрей Ольгердович. Полком левой руки, из формирований разных русских земель, командовали князья Василий Ярославский и Федор Моложский.

Летописная повесть «Сказание о Мамаевом побоище» описывает и стяг, под которым выступали все русские силы. Это был красный (чермный) стяг с изображением Спаса Нерукотворного.

Бой начался поединком богатырей: монаха Александра из Троице-Сергиевой обители (в прошлом жителя Великого княжества Литовского и Русского, брянского боярина Пересвета) и ордынского богатура Челубея. Витязи насмерть поразили друг друга копьями. По преданию, на Куликовском поле сражался еще один монах Троице-Сергиева монастыря Андрей (в миру – брянский боярин Родион Ослябя). По одной версии, он тоже погиб, по другой – выжил и даже ездил позже с церковным посольством в Константинополь.

После поединка богатырей татарские всадники пошли в атаку. Они смяли русский Сторожевой полк. Великий князь Дмитрий сражался в доспехах простого воина в Передовом полку. Воины этого полка почти все пали. Дмитрия после боя с трудом нашли: князь лежал без сознания, придавленный срубленным в схватке деревом. Ордынцам вначале удалось прорвать левый русский фланг. Уверовав в скорую победу, ордынцы устремились в тыл Большому полку. Однако здесь им путь перекрыл перестроившийся Большой полк и резервные отряды.

Затем неожиданно для татар на них обрушился многочисленный Засадный полк. По летописным версиям, Засадный полк стоял с левого фланга русских, а поэма «Задонщина» размещает его на правом фланге. Так или иначе, удара Засадного полка нукеры Мамае не выдержали. Они побежали, сметая собственные подкрепления. Не спасла Мамае ни восточная конница, ни генуэзские наемники-пехотинцы. Мамай был разгромлен и бежал. Русские встали, как тогда говорили, «на костях» (т. е. за ними осталось поле боя).

Преследовать Мамае великий князь Дмитрий Иванович, прозванный с тех пор Донским, не стал.

У реки Калки остатки Мамаева войска были вторично разбиты ханом Тохтамышем. Мамай пытался укрыться в генуэзской колонии Кафе (современная Феодосия в восточном Крыму), но горожане убили темника, желая завладеть его казной.

Князь Дмитрий Донской благополучно вернулся со своим воинством на Русь. Правда, русские полки понесли немалые потери. Летописец писал: «Оскуде бо вся Русская земля от Мамаева побоища за Доном».

ПОХОД ХАНА ТОХТАМЫША 1382 Г.

Победа на Куликовом поле не принесла Северо-Восточной Руси освобождения от ига. Хан Тохтамыш, объединивший под своей властью Золотую Орду, требовал от Руси покорности. В 1382 г. он взял обманом Москву, сжег ее и убил жителей.

Дмитрий Донской, уверенный в крепости каменного Кремля, уехал из столицы. Прямое столкновение князя Дмитрия с ханом Тохтамышем лишало его широты дипломатиче-

ского маневра в случае московско-ордынских переговоров, а плен мог уронить значение Московского княжества как главного центра объединения Северо-Восточной Руси, а это означало, что консолидацию русских земель придется начинать заново.

Москвичи собирались биться, несмотря на то, что из города бежали митрополит Киприан, великокняжеская семья и отдельные бояре. Посадские люди выбрали своим предводителем случайно оказавшегося в Москве 18-летнего литовского князя Остея. Он был или младшим сыном Ольгерда Гедиминовича, или его внуком, сыном Андрея Ольгердовича Полоцкого. Остей организовал оборону, поставил на стены «тюфяки» (скорее всего, это были камнеметальные машины, хотя некоторые историки

говорят о пушках). Попытка Тохтамыша штурмовать Москву была отбита. Тогда хан пошел на хитрость. Пришедшие с Тохтамышем суздальско-нижегородские князья (братья московской княгини) поклялись, что татары хотят наказать только «ослушника» князя Дмитрия. А раз его нет в городе, то ордынцы никого не тронут, если москвичи добровольно пустят хана в столицу и поднесут дары. Возможно, нижегородские князья сами верили словам Тохтамыша. Москвичи за свое доверие заплатились жизнью. Делегация с дарами во главе с Остеем была зарублена, ордынцы ворвались в город через открытые ворота, перебили людей, а город сожгли.

Пострадали от нашествия Тохтамыша и другие русские земли. Навстречу хану вышел с войском

⇐ Карта. Русские земли в конце княжения Дмитрия Донского.

двоюродный брат Дмитрия Донского – Владимир Серпуховской, прозванный после Куликовской битвы Владимиром Храбрым. Не дожидаясь битвы с ним, хан Тохтамыш ушел в степь.

Вскоре великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Донской вынужден был признать власть хана Тохтамыша[6] над собой и своей землей. В 1382 г. другие русские князья не поддержали великого князя Московского и Владимирского так, как это было перед Куликовской битвой. В одиночку справиться с объединившейся Золотой Ордой Москва еще не могла. Однако Москва осталась главным городом Северо-Восточной Руси, т.к. Дмитрий Московский получил от Тохтамыша ярлык на великое княжение Владимирское. Дмитрий возобновил выплату дани, заложником этого в Орде оказался его старший сын Василий (будущий великий князь Василий I).

Умер Дмитрий Донской неожиданно 19 мая 1389 г. 39 лет от роду. Еще в 1388 г. он составил завещание, где назвал наследниками великокняжеского престола своих сыновей Василия и Юрия. Это нарушало порядок очередного престолонаследия, утвердившийся на Руси с 1054 г., и поссорило Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым. Чуть позже кузены помирились, т.к. Дмитрий обещал увеличение удела серпуховского князя за счет Волоколамска и Ржева. После смерти отца великий князь Василий I отдал эти города Владимиру Андреевичу, а тот не на-

чал уособицы, признав племянника «братом старейшим».

ОЦЕНКА ИСТОРИКАМИ КНЯЖЕНИЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Зарубежные исследователи в массе своей оценивают итоги княжения Дмитрия скромно: попытка освоения Северо-Восточной Руси не удалась.

В отличие от них большинство отечественных ученых считают время Дмитрия Донского поворотным в русской истории: был решен вопрос об объединяющем северо-восточные русские земли центре – им окончательно стала Москва. Характер зависимости Руси после Куликовской битвы стал меняться – иго неуклонно слабело.

Однако и среди российских историков есть противники такого взгляда. Ниже мы поместили аргументы обоих подходов.

Н. И. КОСТОМАРОВ О КНЯЗЕ ДМИТРИИ ДОНСКОМ И ЕГО ВРЕМЕНИ

«Княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа. Беспрестанные разорения и опустошения то от внешних врагов, то от внутренних усобиц следовали одни за другими в громадных размерах. Московская земля, не считая мелких разорений, была два раза опустошаема литовцами, а потом потерпела нашествие Орды Тохтамыша; Рязанская земля страдала два раза от татар, два раза от москвичей и была приведена в крайнее разорение; Тверскую несколько раз разоряли

москвичи; Смоленская терпела и от москвичей, и от литовцев; Новгородская земля понесла разорение от тверичей и от москвичей. К этому присоединились физические бедствия (эпидемия чумы, засухи 1365, 1371, 1373 гг. и голод, пожары)...

Сам Дмитрий не был князем, способным мудростью правления облегчить тяжелую судьбу народа; действовал ли он от себя или по внушению бояр своих – в его действиях виден ряд промахов. Следуя задаче подчинить Москве русские земли, он не только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли обстоятельства; он не уничтожил силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умел и поладить с ними... Дмитрий только раздражал их и подвергал напрасному разорению ни в чем не повинных жителей этих земель; раздражил Орду, но не воспользовался ее временным разорением... не предпринял мер к обороне против опасности (в 1382 г.); и последствием всей его деятельности было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой».

С. М. СОЛОВЬЕВ О КНЯЗЕ ДМИТРИИ ДОНСКОМ И ЕГО ВРЕМЕНИ

«В 1389 г. умер великий князь московский Димитрий, еще только 39 лет от рождения. Дед, дядя и отец Димитрия в тишине приготовили богатые средства к борьбе открытой, решительной. Заслуга Димитрия состояла в том, что он умел воспользоваться этими средствами, умел развернуть приготовленные силы и дать им вовремя надлежащее

употребление. Лучшим доказательством особенно важного значения, придаваемого деятельности Димитрия современниками, служит существование особого сказания о подвигах этого князя, особого, украшено написанного жития его...

Важные следствия деятельности Димитрия обнаруживаются в его духовном завещании; в нем встречаем неслыханное прежде распоряжение: московский князь благословляет старшего своего сына Василия великим княжением Владимирским, которое зовет своей отчиной. Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля».

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ О КНЯЗЕ ДМИТРИИ ДОНСКОМ И ЕГО ВРЕМЕНИ

«Димитрий Донской далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников. Молодость (умер 39 лет), исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского, и летопись с заметным подъемом духа говорит о нем, что он был «крепок и мужествен и взором дивен зело». Биограф-современник отметил и другие, мирные качества Димитрия – набожность, семейные добродетели, прибавив: «...аще книгам не учен сый добре, но духовные книги в сердце своем имяше».

ЧЕРНИКОВА Т. В.,
к.и.н., доцент МГИМО (У) МИД РФ

СЕРПУХОВСКОЙ

Владимир Андреевич

15 июля 1353 - 1410

Эпоха Куликова поля дала истории целую плеяду ярких государственных деятелей, блестящих воевод, которые стали лучшим доказательством постепенного подъема русского северо-востока. Если Великое княжество Литовское и Русское в XIV в. преуспело в собирании западно- и южно-русских земель, то в Северо-Восточной Руси к середине XIV в. бесспорным центром консолидации здешних территорий стала Москва. Немалую роль в военных победах Московского княжества над всеми ее соперниками и противниками сыграл удельный князь Владимир Андреевич Храбрый, двоюродный брат и верный вассал великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Донского.

Отцом Владимира был младший сын Ивана I Калиты – Андрей. Ему кроме небольшого удела в пределах самой Москвы принадлежали московские уделы Серпуховской и Боровский. Отец Владимира Храброго за свою короткую жизнь подвизался чаще на дипломатическом поприще. 12-летним он представлял интересы Москвы в Новгороде, потом вместе со старшими братьями Семеном Гордым и Иваном Красивым (Красным) ездил по поручению отца Ивана Калиты в Орду. После смерти Калиты 14-летний Андрей сопровождал своего старшего брата, нового московского князя Симеона Гордого, к золотоордынскому хану для получения ярлыка на великое княжение Владимирское. Умер Андрей Иванович Серпуховской 6 июня 1353 г. 26 лет от роду от чумы, так и не увидев рождения своего второго сына Владимира, которому суждено было прославиться военными подвигами

более всех своих родичей – московских князей XIV в. Кроме Дмитрия Донского, конечно.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СЕРПУХОВСКОГО

Владимир появился на свет на 40-й день после кончины отца. Его рождение было добрым знаком для династии московских Рюриковичей-Даниловичей. Чума, свирепствовавшая по всей Европе и Азии, не знала социальных различий: косила и простолюдинов, и князей. В 1353 г. в великокняжеской семье, кроме отца Владимира, умер великий князь Симеон Гордый и два его сына: 4-летний Иван и 2-летний Симеон. В тот же год от чумы скончался митрополит Феогност, и новым митрополитом стал Алексей, крестник Ивана Калиты и сын близкого к Калите боярина Федора Бяконта. В 1357 г. не стало старшего брата Владимира – Ивана. Владимир Андреевич остался единственным отпрыском своего отца.

Великий князь Московский и Владимирский Иван Красный заболел чумой в 1359 г., по завещанию, составленному им перед кончиной, он увеличил владения племянника, присоединив к Серпуховскому уделу Галич и Новый Городок. К моменту вступления на московский престол 9-летнего Дмитрия, будущего Донского, 6-летний Владимир Андреевич занимал третье место по старшинству в московском княжеском роду. После смерти родного брата Дмитрия – Ивана Владимир стал вторым лицом в московской княжеской династии. Это означало, что со временем он вполне может стать

и великим князем, ведь на Руси был принят очередной порядок престолонаследия, и власть переходила от брата к брату.

ЮНОСТЬ КНЯЗЯ

Воспитателем юных великого князя Дмитрия Ивановича и удельного князя Владимира Андреевича по завещанию Ивана Красного стал митрополит Алексей. Он же был регентом и главой московского боярского правительства. Детство Владимир Серпуховской провел в Москве, где ему принадлежала своя доля. Все московские великие князья, умирая, выделяли всем своим сыновьям и племянникам долю в столице, дабы привязать всех потенциальных наследников великокняжеского ярлыка к Москве, дабы удельные московские князья тоже считали ее своей.

Военный опыт князь Владимир стал набирать очень рано. 8-летним мальчиком в 1362 г. он отправился в свой первый военный поход через Переяславль на Галич, где проявил редкую для ребенка храбрость и энергию. Тогда же митрополит и московские бояре решили составить первый княжеский «ряд» (договор) между Владимиром Серпуховским и Дмитрием Московским. Алексей стремился воспитать Владимира верным «братом младшим»

(вассалом) великого князя, чтобы в будущем избежать междоусобиц внутри Московского княжества. Договор гласил: «Се аз князь великий Дмитрий Иванович докончали есмы с братом своим младшим со князем Володимиром Андреевичем, целовали есмы крест у отца своего у Алексея у митрополита всея Руси. Бытны за один, имети ми брата своего старейшего князя великого Дмитрия в отца место... А тебе брату моему младшему мне служить без послушания..., а мне тебе кормити по твоей службе».

Д о г о в о р являлся политической программой взаимодействия великого князя и второго лица в московской княжеской династии, а также этим «рядом» митрополит Алексей пытался

выработать кодекс чести младшего удельного князя, для которого основой княжеской чести была покорность и послушание «брату старейшему». Очередная система престолонаследия, принятая на Руси еще с 1054 г., была очень несовершенным инструментом решения вопроса о переходе власти от князя к князю. История многих русских уделов, в частности Тверского или Суздальско-Нижегородского, показывала, как междоусобицы братьев губят большие государственные планы великих князей, а заодно и всего княжества. Митрополит понимал,

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

Русский полководец, носивший почетные прозвища Храбрый и Донской. Удельный князь Серпуховской, Боровский, Углицкий. Двоюродный брат великого князя Московского Дмитрия Донского.

В свой первый поход князь отправился в 8 (!) лет, и с тех пор его жизнь протекала в непрерывных сражениях. Главным из них, несомненно, стала битва на Куликовом поле, где он командовал Засадным полком, решившим ее исход.

что в данном вопросе что-то надо делать, но, будучи лицом духовным, он не думал о реформе самой системы престолонаследия, а пытался воздействовать на поведение младших князей нравственными средствами.

Как покажет дальнейший ход событий, в отношении Владимира Серпуховского эти методы дали свой позитивный результат. Будучи не менее талантливым по сравнению с Дмитрием Донским в государственных делах и превосходя Дмитрия в полководческом таланте, Владимир не начал войны, когда Дмитрий Донской, презрев старинное право, назначил наследником московского великокняжеского стола не его – Владимира, а своего сына Василия. Но об этом речь еще пойдет впереди.

ВЛАДИМИР СЕРПУХОВСКОЙ В БОРЬБЕ ЗА ПРАВА ДМИТРИЯ МОСКОВСКОГО

«Брат младший» Владимир Серпуховской верно несет службу «брату старейшему» Дмитрию Московскому. В 1364 г. 10-летний князь Владимир идет с дружиной против суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, оспаривавшего у великого московского ярлык на великое княжение Владимирское. Конечно, юный князь не командует войсками сам, но он набирается военного опыта, учится, привыкает к тяготам походной жизни и играет важную символическую роль в войске.

Как известно, борьба Дмитрия Московского – будущего Донского – с Дмитрием Суздальско-Нижегородским закончилась добрым миром. Дмитрий Констан-

⇒ Владимир Храбрый. Художник А. Шишкин.

тинович уступил ярлык Москве. Дмитрий Иванович Московский женился на дочери суздальско-нижегородского князя и помог тестю усмирить его мятежного брата Бориса Константиновича.

Но в 1368 г. началась новая война. На сей раз между Москвой и Тверью, которая последний раз в своей истории всерьез пыталась вернуть себе ярлык на великое княжение Владимирское, а вместе с ним и политическое лидерство на всем русском северо-востоке. Союзником тверского князя Михаила Александровича выступил могущественный Ольгерд Гедиминович, великий князь Литовский и Русский. Походы Ольгерда на Московское княжество непосредственно затронули и личное владение Владимира Андреевича – его Серпуховской удел.

В 1368 г. 15-летний Владимир с 18-летним Дмитрием сели в осаду в новопостроенном московском белокаменном кремле. Тем временем серпуховской полк Владимира сумел прогнать литву (западнорусские отряды Ольгерда) из Ржева, а потом сражался в составе московского войска на Тростне. Не сумев овладеть Москвой, Ольгерд подался восвояси.

В 1370 г. великий князь Ольгерд видимо, осознал бесперспективность претензий Михаила Тверского и пошел на мир с Москвой. Заключение мира сопровождалось договором о браке Владимира Серпуховского с дочерью Ольгерда Еленой (1371). После женитьбы Владимира в 1372 г. великий московский князь Дмитрий Иванович заключил с ним новый «ряд» и передал в удел Влади-

⇐ Памятник Владимиру Храброму
в Малоярославце.

миру земли по реке Протве и города Дмитров и Галич.

Потом летописец видит Владимира Андреевича в Новгороде Великом. Здесь Владимир, как московский наместник, в 1372 и начале 1373 гг. борется с пройсками Твери, Великого княжества Литовского и Русского, воюет как достойный праправнук Александра Невского с ливонскими крестоносцами. Чуть позже, в 1373 г., по призыву Дмитрия Ивановича Владимир спешит с дружиной на Оку, где ожидался набег татарского отряда. В Золотой Орде царила «великая замятня» (междоусобица), и отдельные царевицы, согнанные с улусов, или просто шальные «находчики» вторгались в русские границы с целью грабежа.

ЗАБОТА О СОБСТВЕННОМ УДЕЛЕ И ДРУГИЕ ДЕЛА ВЛАДИМИРА В 1370-Е ГГ.

Для укрепления обороны пограничного Серпуховского княжества Владимир Андреевич возводит в 1374 г. на месте старинного большого села Серпуховское мощную по тем временам дубовую крепость. Дата ее возведения и считается временем основания Серпухова. Внутри крепости были поставлены и княжеские палаты, стены которых Владимир приказал расписать видами Москвы.

Рядом с городом князь решил построить монастырь, хотя один монастырь – Владычин, основанный здесь митрополитом Алексеем, уже стоял. Для выбора места новой обители

Владимир Андреевич пригласил самого почитаемого тогда на Руси подвижника – Сергия Радонежского. Сергей выбрал село Высокое. Здесь и был поставлен новый монастырь, а первым его настоятелем стал ученик Сергия Радонежского – Афанасий. И Владычин монастырь, и княжеский Высоцкий монастырь были посвящены Богородице. Первая церковь княжеского Высоцкого Богородичного монастыря была освящена в 1380 г.

В 1375 г. Москве удалось создать из многих великих и удельных князей большую антитверскую коалицию, деятельным членом ее был и серпуховской князь Владимир. В результате общего похода на Тверь Дмитрий Московский смог наконец вырвать у Михаила Тверского окончание (договор), где тот признавал ярлык на великое княжение Московское вотчиной московских князей (т. е. их наследственным владением), себя называл «братом младшим» великого московского князя и обещал, «если Бог переменит Орду» и будет Дмитрий воевать с ней, идти ему на помощь. Кстати, это окончание Дмитрия Московского и Михаила Тверского – первый документ, где зафиксирована готовность Москвы к возможной войне с Ордой.

В 1376 г. Владимир один ходил на Ржеву, но без успеха.

После смерти великого князя Ольгерда великокняжеский престол русско-литовского государства отошел его младшему сыну Ягайло (в Литве был жив еще древний обычай миноритета). В 1379 г. Владимир Андреевич ходил в западнорусские пределы отстаивать интересы своего шурина, полоцкого князя Андрея

⇒ Удар Засадного полка в Куликовской битве.
Художник П. Попов.

Ольгердовича, старшего брата Ягайло. Вместе с Андреем и волынским боярином Дмитрием Михайловичем Боброком Владимир Серпуховской взял Трубчевск, Стародуб и ряд других волостей Великого княжества Литовского и Русского.

В БОРЬБЕ С ОРДЫНЦАМИ

Но главным делом жизни Владимира Серпуховского следует признать его участие в Куликовской битве, которая состоялась в пятницу, 8 сентября, 1380 г. Владимир Андреевич вместе с великим князем Дмитрием, литовско-русскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами и прочими русскими воеводами принимал участие в военном совете, где 7 сентября 1380 г. обсуждался план действия русских войск. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что перед битвой князь Владимир горячо молился: «Боже, Отец наш, сотворший небо и землю, помоги народу христианскому! Не допусти, Господи, радоваться врагам нашим над нами, мало накази и много помилуй, ибо милосердие Твое бесконечно!»

8 сентября 1380 г. князь Владимир Серпуховской, возможно, осуществлял верховное руководство сражением, находясь с Дмитрием Боброком-Волынским во главе Засадного полка. Сам Дмитрий Донской, как известно, сражался рядовым воином в составе Передового полка.

«И была крепкая битва и злая сеча, и кровь лилась, как вода, и бесчисленное множество воинов с обеих

сторон, с татарской и русской, пали мертвыми. И татарское тело падало

на христианское, и христианское
на татарское, и смешалась кровь та-

тарская с христианской. А всюду ле-
жало такое множество мертвых, что

кони не могли ступать по мертвым. И погибали не только от оружия, но многие сами себя убивали, и под копытами конскими умирали, и задыхались от великой тесноты: ведь невозможно было втиснуться на поле Куликовом между Доном и Мечей из-за множества сошедших войск», — так рассказывает о сражении летописная повесть.

Удар Засадного полка в тыл татарской коннице, которая, потеснив русский полк левой руки, стала заходить во фланг Большого полка, стал поворотным моментом Куликовской битвы. Этот удар привел к паническому отступлению и разгрому войск темника Мамаю.

За свои действия на Куликовом поле Владимир Андреевич получил прозвания Храброго и Донского. Историки редко используют последнее, чтобы не вызывать путаницы, т. к. и Дмитрий, тяжело контужен-

ный в Куликовском сражении, заслужил «титул Донского». Но летописцы называли Владимира Донским, прозвания Донской и Храбрый вошли в эпитафию на надгробной плите на захоронении Владимира Серпуховского в Архангельском соборе Московского Кремля.

Необычайно решительно князь Владимир действовал в 1382 г. в ходе нашествия хана Тохтамыша на Русь. Собственно, Владимир Андреевич оказался единственным русским князем, который не побоялся выступить против Тохтамыша лично. В отличие от темника Мамаю Тохтамыш был Чингизидом и законным обладателем золотоордынского трона. Это помогло ему с помощью эмира Тимура (Тамерлана) прекратить «великую замятню» и восстановить единство Золотой Орды. Инерция политического сознания на русском северо-востоке была еще велика, и князья, готовые во главе с Дмитрием Московским и Владимирским сражаться против узурпатора Мамаю, вовсе не были так решительны в отношении «законного царя» Тохтамыша. Собрать вновь общерусскую коалицию в 1382 г. не удалось. Большинство северо-восточных русских князей признали власть Тохтамыша. Москва, оставленная Дмитрием Донским, была взята обманом и сожжена, жители ее погибли. Но навстречу Тохтамышу выступил Владимир Серпуховской. Под Волоколамском он разбил передовой отряд татар, и хан прекратил нашествие и ушел в Степь.

Однако зависимость от Золотой Орды великого княжения Владимирского вместе со всеми входя-

✦ Настенная роспись церкви иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша» серпуховского Высоцкого монастыря (паломнический корпус).

щими в нее великими и удельными княжествами была восстановлена. Дмитрий Иванович Московский получил ярлык и возобновил выплату дани Орде. Заложником в Сарае был в 1382 г. оставлен княжич Василий, старший сын Дмитрия Донского.

«РОЗМИРЬЕ» С ДМИТРИЕМ ДОНСКИМ

До 1388 г. Дмитрий Донской и Владимир Донской Храбрый жили мирно. Но в 1388 г. летопись сообщает о «розмирье» между ними.

В это время на родину из Золотой Орды бежал княжич Василий Дмитриевич. Боясь и гнева отца, и ханского гнева, он искал покровительства у литовского князя Витовта. По Кревской унии 1385 г. (договору между Литвой и Польшей) Ягайло Ольгердович женился на польской королеве Ядвиге, принял католичество и стал польским королем Владиславом. Однако его противником в борьбе за литовско-русский престол выступил Витовт Кейстутович, двоюродный брат Ольгерда Владислава и сын Кейстута Гедиминовича (брата и соправителя Ольгерда Гедиминовича). Большинство населения русско-литовского государства поддержало Витовта, и вскоре он стал наместником Ольгерда в литовско-русских землях, а впоследствии по Городельской унии 1413 г. – и великим князем Литовским и Русским. Витовт поддерживал княжича Василия и согласился выдать за него свою дочь Софью. Этот брак делал 18-летнего Василия обладателем могущественного союзника и давал ему надежду стать наследником московского великого стола, оттеснив от него дядю – Владимира Андреевича.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Дмитрий Донской решил написать завещание, в котором наследником московского стола называл Василия. Вряд ли Дмитрий планировал реформу престолонаследия с отменой очередного порядка на прямой, где сын наследует отцу. Иначе он бы не назначил следующего по очереди наследника: за Василием должен был вступать на престол любимый сын Дмитрия Донского Юрий. Желание передать престол детям в обход брата уже встречалось в Московском княжестве. В 1353 г. умирающий от чумы великий князь Симеон Иванович Гордый, потерявший к этому моменту всех своих сыновей, пытался оставить трон гипотетическому наследнику, еще не рожденному ребенку, которого носила его жена. Но стол тогда унаследовал брат Симеона – Иван Красный, отец Дмитрия Донского.

Летописцы не говорят, в чем состояла причина «розмирья» Дмитрия и Владимира в 1388 г. Ряд историков склонен считать, что Владимир Андреевич не захотел признавать племянника, Василия Дмитриевича, «братом старейшим». Однако в том же году братья помирились. Очевидно, Дмитрий Донской обещал Владимиру увеличение его удела за признание наследником Василия.

19 мая 1389 г. великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович неожиданно скончался 39 лет от роду. Василий Дмитриевич вступил на великокняжеский престол, но вскоре у него случилось несогласие с дядей – Владимиром Серпуховским. Возможно, Владимир не получил от племянника обещан-

ных Дмитрием Донским волостей. Н. М. Карамзин подозревал, что во всем были виноваты бояре Василия, которые стремились оттереть серпу-

ховского князя от участия в решении московских дел. Так или иначе, но в 1389 г. Владимир Андреевич покинул Москву. Он уехал в Серпухов,

⇨ Архангельский собор Московского Кремля – место упокоения князя.

а потом в новгородский пригород Торжок.

Великий князь Василий I счел за лучшее искать компромисс с дядей. Василий уступил Владимиру Волоколамск и Ржев, которые потом выменял на Городец, Углич с селом Золоторусским, Козельск, Гоголь, Алексин и Лисин.

Был заключен также договор, в котором Владимир признавал племянника «братом старейшим», обязывается без ослушания «садиться на коня» (ходить в военные походы по приказу Василия), не иметь притязаний на Муром, Тарусу и другие города, которые великий князь впоследствии «примыслит себе», и оставлять свою княгиню и детей во время походов в Москве. Последний пункт этого княжеского докончания, очевидно, говорит о недоверии племянника к дяде.

ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Кроме города Серпухова князем Владимиром Храбрым был основан город Ярославль Боровский, названный так в честь четвертого сына Владимира Ярослава (Афанасия). В источниках этот город впервые упомянут в 1402 г. Позже (в 1485 г.) он стал называться Малоярославец.

Последними значительными свершениями Владимира Андреевича стали дела военные.

В 1393 г. он ходил по приказу Василия I походом на Торжок в Новгородскую землю. Причиной московского похода послужил отказ

Новгорода выполнить решение суда митрополита Киприана и платить пошлины Москве.

В 1395 г. Владимир Серпуховской выводил московские полки навстречу Тамерлану. К счастью для Руси, среднеазиатский эмир, разгромив и опустошив Золотую Орду в отместку Тохтамышу, переставшему почитать Тамерлана, не стал воевать Русь. Пострадали лишь отдельные пограничные районы.

Новое вторжение с Востока последовало лишь в 1408 г., когда на Русь двинулись полчища ордынского темника Эдигея. Как и Дмитрий Донской в 1382 г., в нашествие Эдигея Василий I уехал из Москвы в Кострому, поручив оборону города Владимиру Серпуховскому. Тот справился со своей задачей успешно. Эдигей пожег московский посад и округу, простоял под стенами Кремля три недели, но взять белокаменную крепость не смог.

В начале XV в. у Василия I, который не отличался полководческим дарованием, был под рукой и другой воевода, достойный сменить Владимира Храброго, в качестве лучшего московского военачальника. Им являлся великокняжеский брат Юрий Дмитриевич, удельный князь Звенигородский.

Владимир Андреевич пережил своего соратника по Куликовской битве Дмитрия Донского на 21 год. Он скончался в Москве в мае 1410 г. и был погребен в Архангельском соборе Москвы. Из 7 сыновей князя к моменту его смерти были живы пятеро. Между ними и поделил свое движимое и недвижимое имение Владимир. Старший сын Иван получил Серпухов, Козельск, Гоголь,

Лисин и Алексин, Семен – Боровск и половину Городца-на-Волге, Ярослав – названный в честь него Ярославец, другую половину Городца и Юрьевец, Андрей Меньшой – Радонеж с половиной Углича, а Василий – Перемышль с другой половиной Углича. Еще сыновья Владимира получили каждый свою долю в «московской трети» их отца. В Кремле Владимир Андреевич имел двор. Другую московскую резиденцию серпуховского князя составлял «большой двор на Трех горах» (где теперь стоит Трехгорная мануфактура). Князю принадлежало село Кудрино, располагавшееся на месте современной площади Восстания, а также еще ряд деревень, садов, различных угодий и мельниц, которые лежали в районе нынешнего Ленинградского проспекта и Никитских ворот.

Н. М. Карамзин высоко оценил деятельность Владимира Андрееви-

ча Серпуховского, причем не только его боевые заслуги, но и отказ с оружием в руках биться за великокняжеский престол: «Сей знаменитый внук Калитин... представился с доброю славою князя мужественного, любившего пользу отечества более власти. Он первый отказался от древних прав семейственного старейшинства и был из князей российских первым дядею, служившим племяннику. Кратковременные ссоры его с Донским и Василием происходили не от желания присвоить себе великокняжеский сан, а только от смут боярских. Сия великодушная жертва возвысила в Владимире пред судилищем потомства достоинство героя, который счастливым ударом решил судьбу битвы Куликовской, а может быть, России».

ЧЕРНИКОВА Т. В.,
к.и.н., доцент МГИМО (У)

РУССКОЕ И МОНГОЛЬСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ Куликовской битвы

Русский доспех того времени состоял из шлема, панциря и щита. О наручах и поножах нет никаких письменных и археологических данных, хотя поножи, несомненно, применялись еще с XII в., о чем говорят изобразительные источники XII – XIV вв.

Русские шлемы XIV в. известны лишь по изображениям: это традиционные для Руси сфероконические наголовья, иногда низкие и округлые, с низеньким коническим подвершием. Иногда более вытянутой формы. Увенчаны шлемы почти всегда шариками, изредка конус сходится на острие. Никаких «яловцев» – кожаных треугольных флажков, крепившихся на очень длинных шпильях (как и самих шпилей), – у русских шлемов этого времени не было. Их упоминание в рукописях и инкунабулах «Сказания о Мамаевом побоище» – верный признак даты текста: не ранее конца XV в., когда это украшение появилось на русских шлемах в подражание Востоку. Шею и горло воина защищала бармица, иногда стеганая, из войлока или кожи, но обычно кольчужная. К ней у висков могли крепиться науши прямоугольной формы, иногда по два-три – друг над другом.

Значительное место в вооружении русских воинов занимали, видимо, импортные шлемы. «Задонщина» упоминает «шеломы немецкие»: скорее всего, это были на-

головья с невысоким округлым или приостренным куполом и довольно широкими, слегка опущенными полями, столь популярные в Европе у пеших воинов.

Значительно больше сведений о русских панцирях XIV в. Судя по археологическим, изобразительным и письменным источникам, основными видами брони на Руси тогда были кольчужный, ламелярный и пластинчато-нашивной доспехи. Кольчуга представляла собой более или менее длинную рубаху с разрезом у ворота и на подоле, весом от 5 до 10 кг. Кольца делались из круглой в сечении проволоки, но в XIV в. начинает распространяться кольчуга, заимствованная с Востока, – из плоских колец. Ее название – байдана, бодана – восходит к арабско-персидскому слову «бодан» – тело, корпус. Несравненно надежнее был ламелярный панцирь – из стальных пластинок, соединенных между собой ремешками, либо тесьмой или шнурами. Пластины были узкими либо почти квадратной формы с закругленным верхним краем. Монгольское влияние сказалось и в том, что пластины стали нашивать не только снаружи, но и с изнанки основы, так что сверху видны были лишь ряды заклепок; лицевая поверхность основы стала крыться яркой богатой тканью – бархатом или сукном, либо хорошей выделанной кожей. Часто в одном русском доспе-

хе XIV в. сочетались несколько видов брони, например, ламелярный панцирь с оторочкой пройм рукавов и подола (либо отдельной юбкой) из нашивных пластин, да еще под этим всем кольчуга. В это же время вошло в моду и еще одно, опять же монгольское, заимствование – зеркало, то есть стальной диск, сильно или слегка выпуклый, крепившийся самостоятельно на ремнях, либо пришивавшийся или клепавшийся в середине нагрудной части панциря.

В качестве защиты ног, вообще не слишком популярной на Руси, применялись в основном кольчужные чулки. Судя по изображениям, могли применяться и наголенники из одной кованой пластины, крепившейся спереди на голени. С Балкан могло прийти в последней трети XIV в. оригинальное прикрытие верхней части груди и спины, плеч и шеи – ламелярные бармы со стоячим, ламелярным же, воротником. Шлемы, а также пластины панцирей знати частично или полностью золотились.

Не менее разнообразны были в эпоху Куликовской битвы и русские щиты, производством которых, судя по «Задонщине», славилась Москва. Щиты были круглыми, треугольными, каплевидными (причем треугольные в это время явно вытесняли более архаичные каплевидные). Иногда применялась новинка – щит в виде вытянутого прямоугольника или трапеции с выпуклым вертикальным желобом по оси – «павеза».

Щиты в подавляющем своем большинстве делались из досочек, обтягивались кожей и полотном, расписывались узорами. Металлических деталей они, как правило, не имели,

за исключением заклепок, крепивших систему ремненных рукоятей.

Подавляющей количественно частью ордынского войска была конница. Ее ядром, игравшим обычно решающую роль, была тяжеловооруженная конница, состоявшая из военно-служилой и племенной знати, ее многочисленных сыновей, богатых ополченцев и дружинников. Основой была личная «гвардия» владыки Орды. Численно тяжеловооруженная конница, конечно, уступала средне и легковооруженной, но ее соединения могли наносить решающий удар. Основным оружием нападения ордынцев справедливо считается лук со стрелами. Судя по источникам, луки были двух типов: «китайского» – большой, до 1,4 м, с четко выделенными и отогнутыми друг от друга рукоятью, плечами и длинными, почти прямыми рогами. Длинные монгольские стрелы с очень крупными наконечниками и красными древками, пущенные из таких луков, летели чуть ли не на километр, на расстоянии же в 100 м или несколько более пронизывали человека насквозь, нанося огромные рваные раны.

В комплект для стрельбы, называемый саадаком, входил также колчан – длинный узкий берестяной короб, где стрелы лежали остриями вверх. Колчаны богато украшали покрытыми сложными резными узорами костяными пластинами. Также могла служить плоская длинная кожаная сумка, в которой стрелы вставлялись оперением вверх.

К клинковому ордынскому оружию относятся мечи и сабли. Мечи, как это ни покажется странным, монголо-татарами применялись до

XV в. довольно часто, причем знатью. Рукоять их отличалась от сабельной прямизной и формой навершия – в виде сплющенного шара или горизонтального диска. Количественно же преобладали сабли.

В монгольское время они становятся более длинными, клинки – более широкими и изогнутыми, хотя достаточно было и довольно узких, слабоизогнутых. Общим признаком ордынских сабель была наваренная пол перекрестьем обойма с языком, охватывающим часть лезвия. Клинки иногда имели дол, иногда наоборот – ромбическое сечение. Встречается расширение клинка в нижней трети – «елмань». Северокавказские клинки часто имеют «штыковидный» граненый конец. Характерное ордынское сабельное перекрестие – с опущенными вниз и расплюснутыми концами. Рукоять и ножны увенчивались навершиями в виде уплощенного наперстка. Ножны имели обоймы с кольцами. Сабли украшались резным, гравированным и чеканным металлом, иногда драгоценным, кожа ножен вышивалась золотой нитью. Пояса для клинков украшались богаче, застегивались при помощи пряжки.

Велико было разнообразие ордынских панцирей. Популярной была

прежде чуждая монголам кольчуга – в виде рубашки или распашного кафтана. Массовое распространение имел стеганый панцирь – «хатангу дегель» («прочный, как сталь, кафтан»; от него русск. «тегилай»), кроившийся в виде халата с рукавами и лопастями до локтя. Часто он имел металлические детали — наплечники и, главное, подбой из железных пластин, пришитых и приклепанных с исподней стороны. Такой доспех уже был дорогим и покрывался богатыми тканями, на которых блестили ряды гнезд заклепок, часто медных, латунных, золоченых. Иногда этот доспех кроился с разрезами по бокам, снабжался зеркалами на груди и спине, длинными стегаными рукавами или оплечьями из узких стальных изогнутых поперечных пластинок, наклепанных на вертикальные ремни, и такой же структуры набедренниками и прикрытием крестца. Броня из горизонтальных полос металла или твердой толстой кожи, соединенных вертикальными ремешками или шнурами, называется ламинарной. Такой доспех татаро-монголы широко применяли еще в XIII в. Полосы материала богато украшались: металл – гравировкой, позолотой, инкрустацией; кожа – росписью, лаком.

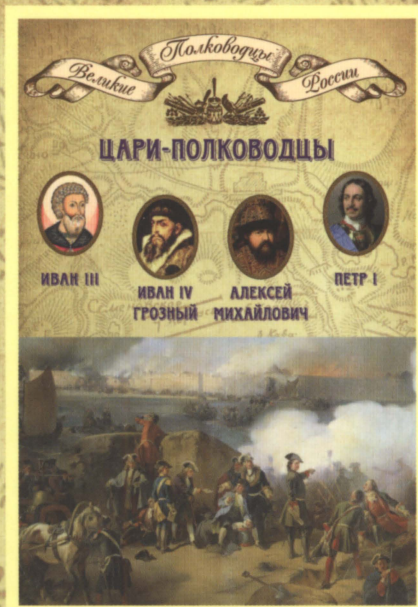
СОДЕРЖАНИЕ

Невский Александр Ярославич	3
«Два Александра»	4
Русское пространство в IX – начале XIII вв.	5
Глобальные перемены на Востоке	11
Западноевропейская экспансия в Прибалтике и русские земли	13
Господин Великий Новгород в начале XIII в.	15
Западная политика Александра Ярославича до 1246 г.	
Невская битва и Ледовое побоище	17
Князь Александр и Литва	29
Восточная политика князя Александра	30
Политическая линия Александра как великого князя Владимирского	35
 Довмонт Псковский князь	41
Древнерусские земли и Псков в IX – XIII вв.	42
Псковский князь Довмонт-Тимофей	47
 Донской Дмитрий Иванович	53
Дмитрий Донской и его предшественники на московском престоле	54
Русь и Золотая Орда в годы детства Дмитрия Донского	56
Золотая Орда и центры собирания русских земель в середине XIII – середине XIV вв.	58
Князь Дмитрий Иванович и князь Дмитрий Константинович в борьбе за великокняжеский ярлык	60
Князь Дмитрий Иванович и князь Михаил Александрович в борьбе за великокняжеский ярлык	63
Начало войны с Ордой. Битвы на Пьяне и на Воже	70
Куликовская битва	72
Поход хана Тохтамыша 1382 г.	75
Оценка историками княжения Дмитрия Донского	77
Н. И. Костомаров о князе Дмитрии Донском и его времени	77
С. М. Соловьев о князе Дмитрии Донском и его времени	78
В. О. Ключевский о князе Дмитрии Донском и его времени	78
 Серпуховской Владимир Андреевич	79
Происхождение князя Владимира Серпуховского	80
Юность князя	81
Владимир Серпуховской в борьбе за права Дмитрия Московского	83
Забота о собственном уделе и другие дела Владимира в 1370-е гг.	85
В борьбе с ордынцами	86
«Розмирье» с Дмитрием Донским	89
Последние дела князя Владимира	91
 Русское и монгольское вооружение Куликовской битвы	93

Полководцы Великие России

СЛЕДУЮЩИЙ ВЫПУСК:

XV – XVII века – время становления единого Московского государства, время реформ и побед, раздвинувших границы России и превративших ее в многонациональную империю.

Новые исторические условия создали новый образ царя-полководца, способного решать глобальные государственные задачи, вести твердый курс как внутренней, так и внешней политики.

Иван III Великий, Иван IV Грозный, Алексей Михайлович, Петр I Великий – за каждым из этих имен стоит великая эпоха испытаний и преобразований, сражений и побед. Обо всем этом вы сможете узнать в новой книге «Цари-полководцы».

Scan: Gencik

КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ISBN 978-5-87107-868-6

4 620016 290835